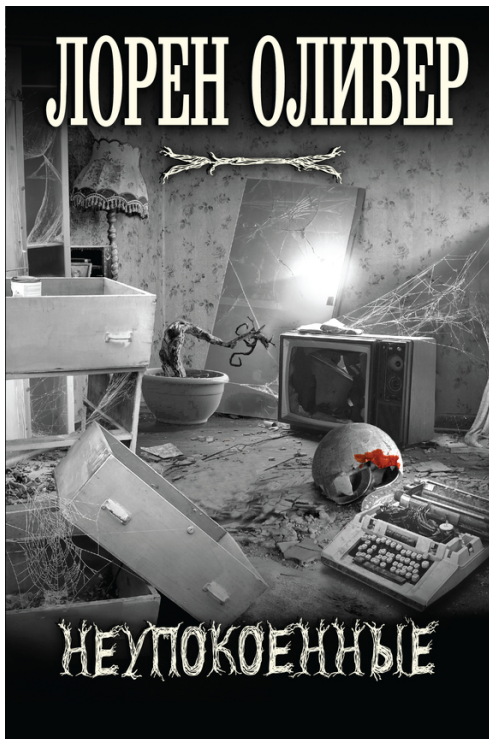

Лорен Оливер
Неупокоенные
Серия «Новинки зарубежной мистики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11788324
Оливер, Лорен. Неупокоенные: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78459-2

Аннотация

Их никто не видит и не слышит, лишь изредка скрипят старые половицы и хлопают оконные рамы. Бесплотные призраки, они способны лишь наблюдать за живыми людьми, отчаянно мечтая занять их место...

Ричард Уокер прожил долгую жизнь. Он заработал немалое состояние и купил большой дом, но не сумел сохранить семью: его оставила жена, забрав дочь Минну и сына Трентона. Однако после смерти Ричарда им пришлось вернуться для последнего прощания.

Занимаясь уборкой и организацией похорон, ни один из них не подозревает, что в доме давно поселились призраки. Души Элис и Сандры, в разное время бывших хозяйками этого дома, навсегда остались в его стенах. Однако все меняется, когда в доме появляется новый призрак, а Трентон понимает, что способен его слышать...

Впервые на русском языке!

Содержание

Часть I	6
Элис	6
Минна	10
Элис	13
Сандра	18
Трентон	20
Элис	22
Часть II	25
Сандра	25
Трентон	28
Элис	32
Сандра	36
Минна	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лорен Оливер

Неупокоенные

*Я слышал голоса в комнатах.
Они говорили: останься с нами.
Комнаты, которые ведут одна в другую –
это дом, который останется
и после того, как я уйду.*

Франц Райт

Lauren Oliver
rooms

Copyright © 2014 by Laura Schechter

© Пантелеева Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

* * *

Пожар начался в подвале.

Больно ли мне?

И да и нет. В конце концов, я сама этого хотела.

Теперь боль мне чужда.

Но страх – это все равно что боль. Он огромен, он сводит с ума. Это тело, наше последнее тело, наш последний шанс, скоро сгорит дотла.

Что потом будет со мной?

Из кухни в чулан, затем в столовую и коридор, вверх по лестнице – стеной наступают дым, тьма, копоть и удушающий жар.

Из чердака – на крышу, с крыши – в подвал.

Мы горим.

Сандра хотела заключить пари – умрет Ричард Уокер дома или нет. Не знаю, когда она пристрастилась к разного рода спорам. При жизни за ней такого не наблюдалось. А теперь: «спорим на это, спорим на то».

– Он очокувится прямо здесь, – говорила Сандра. И еще: – Хватит ко мне прижиматься!

– Я не прижимаюсь.

– Нет, прижимаешься! Прямо в шею дышишь.

– Это невозможно.

– Не говорю, что так и есть, я говорю, на что это *похоже*!

Ричард Уокер застонал. Неужели сейчас, после стольких лет, он стал наконец-то нас понимать?

Вряд ли. Но мысль интересная.

А как мы говорим? Скрипами и шепотками, стонами и дрожью. Вы *слышите* нас. Но не понимаете.

В тот день медсестра была в ванной, готовила очередную дозу таблеток для Ричарда, хотя знала, – и мы все знали, – что они ему не помогают. В спальне пахло сиропом от кашля, чем-то сладким и стоял резкий животный запах мочи, как в старом загоне для скота. Простыни не меняли уже три дня.

– Ну, так что думаешь, – надоедала мне Сандра, – дома? Или в больнице?

Мне нравилось заключать с ней пари. Было чем занять время – долгие, бесконечно растянутые в пространстве часы, в которых мы вязли, как в супе-пюре. Для нас теперь не было различий между днем и ночью. Часы проплывали мимо, как тени – жаркие или теплые, влажные или сухие. За временем мы уже не следили. Зачем это нам? Полдни пахли древесными опилками и воскрешали в памяти то самое неприятное чувство, когда сажаешь занозу под ноготь. Каждое утро – запах грязи и оконной замазки. Каждый вечер – запах тушеных помидоров и плесени. Каждая ночь – холод, дрожь и мышинное фырканье, которое мы чувствовали своей кожей.

Границы – вот чего нам не хватало. Границ и территорий. Твоя территория, моя территория. Вместо этого мы постепенно сливались воедино. Вот что самое страшное и опасное в смерти – постоянная борьба за право остаться самим собой.

Забавно, да? Когда вы живы, зачастую все наоборот. Я помню, как отчаянно пыталась заставить кого-то понять меня, мыслить как я. Помню, как срывала голос, до хрипоты споря с Эдом по тому или другому поводу – уже не помню, по какому именно.

Теперь мне принадлежали только мои тайны. Да и их я уже больше половины выдала Сандре.

– В больнице, – наконец сказала я.

– А я говорю – откинется дома, прямо на своей кровати, – радостно провозгласила Сандра.

Она ошиблась. Ричард Уокер умер не дома. Слава богу. Я и так долго делила с ним жильё.

На время в доме воцарилось молчание. Он снова был нашим с Сандрой. Его углы были нашими локтями, его лестницы – нашим скелетом, костями и позвоночником.

Мы плавали по дому в тишине. Пространство, которое занимал Ричард, вернулось в наше распоряжение. Мы должны были восстановиться, как организм больного после выздоровления, когда он начинает медленно и неуклюже шевелить затекшими конечностями, разминая их.

Мы заняли все пять спален. Парили в пыльных лучах света, падавшего через окна, кружились в молчании, скользили по гладкому обеденному столу, по пустым стульям, терлись о цветастые восточные ковры, извивались над сухими отпечатками следов ног на полу.

Наше тело вернулось к нам – это было и чувство облегчения, и чувство потери. В очередной раз мы избавились от чужаков, Других.

Мы были свободны. Мы были одни.

Мы с Сандрой заключили пари на то, как же скоро сюда вернутся остальные Уокеры.

Часть I Кухня

Элис

Минна зашла на кухню, резко распахнув дверь, как будто ожидала увидеть там толпу гостей, кричащих: «Сюрприз!»

– Господи боже! – это было первое, что она сказала.

– Да нет же, – проговорила Сандра, – это невозможно.

Но как бы то ни было – перед нами стояла Минна. Прошло столько лет... Сандра говорила, что десять, но я думаю, гораздо больше.

Минна сильно изменилась, но все равно это была она: спутанные длинные волосы, теперь осветленные, высокие скулы, яркие глаза цвета океана. Она была такой же красивой, как раньше, может, даже еще лучше. Но было в ней что-то пугающее, как в лезвии сильно заточенного сияющего острого ножа.

– Господи боже! – повторила Минна.

Она остановилась в дверном проеме, не закрывая дверь, и до меня на секунду донеслись запахи Внешнего мира: клевера, мокрой грязи и перегноя. И жимолости, которая, должно быть, росла по всему двору.

На мгновение я снова почувствовала себя живой, стоящей в саду – меня согревало весеннее солнце, обдувал легкий ветерок, из земли вылезали удивленные дождевые черви.

Девочка лет шести проскочила в дом из-за спины Минны.

– Это дедушкин дом? – спросила она и начала тянуться к кружке на столе. Кружке, которую оставила одна из медсестер. Ее забыли помыть, и из нее пахло прокисшим молоком.

Минна взяла девочку за руку и потянула назад.

– Ничего не трогай, Эми! Тут очень много микробов.

Девочка, Эми, послушно отошла. Минна тем временем сделала несколько робких шагов по кухне, выставив руку вперед, как будто шла в темноте. Как только она дошла до кухонного стола, то схватилась за него и издала странный звук – что-то между вздохом и смешком.

– Этот стол, – сказала она, – на деле он еще страшнее, чем в воспоминаниях. Господи, он совсем не умел избавляться от вещей.

– Вот, что и требовалось доказать, – сказала Сандра довольно, – Минна выросла бездушной стервой. Я всегда знала, что так будет.

– Замолчи, Сандра.

За многие, многие годы моего пребывания здесь, в этом доме, в новом теле, моя вера в христианскую концепцию загробной жизни подверглась серьезной критике и переосмыслению. Но в одном я уверена точно: влачить свое существование с Сандрой – это определенно ад.

– Любая красивая девочка...

– Замолчи!

Бедная Минна. Я бы не сказала, что она была моей любимицей, но мне все равно было ее жаль.

Эми хотела выйти из кухни, но Минна остановила ее.

– Солнышко, останься пока здесь, ладно? На минутку, – затем она позвала чуть громче. – Трентон! Ты должен это увидеть!

У меня больше нет сердца, поэтому сказать, что оно забилося чаще, было бы неточным. Но что-то во мне, точнее в том, что от меня осталось, задвигалось быстрее. Да, я ужасно хотела увидеть Трентона. Он был самым красивым ребенком в семье – светлые волосы, легкие, словно перья, и глаза ярко-голубые, как летнее небо. Уже в четыре или пять лет у него был такой печальный взгляд, как будто он пришел в мир, ожидая увидеть необыкновенную красоту, а теперь страдал от разочарования.

Но юноша, который вошел в дом, почти вдвое согнувшись под весом сумок и волоча за собой чемодан на колесиках, не был Трентоном. Это был высокий, костлявый, угрюмого вида подросток с грязными темными волосами в черной толстовке и длинных джинсах с потертым низом.

– Что ты туда напихала? – ворчал он.

Трентон не без усилия распрямился и скинул обе сумки с плеча на пол, а после протаскил чемодан через дверной проем.

– Там что, кирпичи?

Сандра захохотала.

– Это не он. Это невозможно, – пробормотала я, невольно повторяя ее фразу при виде Минны.

– Это *он*, – сказала Сандра, – посмотри ему в глаза.

Она была права: под его совершенно некрасивым лбом – выдающимся вперед и покрытым россыпью прыщей – были все те же небесно-голубые пронзительные глаза, обрамленные по-девичьи густыми ресницами.

– Ну надо же! – воскликнула Минна. Она наклонилась вперед и слегка надавила руками на кухонный стол, как будто проверяя – настоящий ли он. – Мы называли его Паучком. Ты помнишь?

Трентон промолчал.

Это был белый пластиковый стол – «акриловый пластик», как мне сразу же доложила Сандра, едва его доставили – с кривыми ножками, чья изогнутая форма делала его похожим на паука, притаившегося в углу. Он стоил пятнадцать тысяч долларов – Ричард Уокер любил говорить об этом своим гостям. Мне стол всегда казался жутко уродливым. Сандра сказала, что я ничего не понимаю в современном искусстве.

– Все современное уродливо, – говорила она. Что ж, хотя бы в этом мы с ней были солидарны.

Многие года Паучок прорастал через меня. Наверное, лучше сказать *рос во мне*, как и все прочие вещи в этом доме. Этот стол связан со многими воспоминаниями: Минна прячется под ним, прижимая потемневшие коленки к груди; Трентон вырезает открытку на День Святого Валентина ножницами с неровными краями, его пальцы липкие от клея; Ричард Уокер сидит на своем обычном месте, положив голову на стол, на следующий день после того, как Кэролайн навсегда покинула его; перед ним лежит аккуратно сложенная газета, рядом в чашке остывает кофе. А свет сначала разгорается, потом наступают сумерки, и он постепенно гаснет, пока от него не остаются только длинные золотистые полосы, которые прорежают комнату по диагонали и разделяют Ричарда от плеча до бедра.

Другие воспоминания – о местах и событиях моей прежней жизни – скользили рядом с этими. Такова их природа. Вино превращается в кровь, просфора – в тело, а ножки стола – в шпильки церкви, которые белеют на фоне голубого неба. Нити паутины в кустах черники за домом в Ньюпорте, где я провела детство, вьющиеся среди веток, как серебристое кружево; удовольствие от вкуса яичницы и хлеба, съеденных в одиночку на ужин – все это было в том столе.

– Тут воняет, – сказал Трентон.

Минна взяла кружку с кофе со стола и направилась к раковине. Она открыла кран, вода разбила на куски застарелую плесень в чашке, а Минна спустила ее в слив. Она двигалась так, словно ее поражали маленькие электрические разряды – быстро и резко. Так же было и в детстве: она спокойно сидела на полу. А потом залезла на кухонную стойку и – бах! – ударила ручкой по раме.

Сейчас Минна наклонилась вперед и также ударила по раме. Задвижка поддалась, и окно открылось наружу. По кухне распространились запахи Внешнего мира. Это было как прикосновение чьей-то ладони к лицу.

– Смотри-ка, – сказала она Трентону, – все по-прежнему.

Он пожал плечами и засунул руки в карманы толстовки. Я не могла поверить, что этот странный, нескладный, угрюмый подросток – мой прекрасный и печальный Трентон, который любил лежать на озаренном солнцем полу столовой, свернувшись калачиком, как кот, а я была рядом – так близко, что могла слышать его дыхание.

Иногда я воображала, что он чувствует мои прикосновения.

– Мапочка! – Эми встала на цыпочки и перебирала пальчиками по столешнице. Теперь она дергала Минну за низ футболки. – А дедушка здесь?

Минна наклонилась к ней:

– Мы же говорили об этом, солнышко. Помнишь?

Эми помотала головой:

– Я хочу поздороваться с дедушкой.

– Дедушка умер, Эми, – сказал Трентон.

Минна одарила его убийственным взглядом и, положив руки на плечи дочери, заговорила убаюкивающим голосом:

– Помнишь ту часть «Черного гелиотропа», когда принцесса Пенелопа отдала свою жизнь для спасения Ордена Невинных?

– О господи! – закатил глаза Трентон. – Ты читаешь ей эту чушь?

– Слышала, Элис? – спросила Сандра. – Чушь! Не удивительно, что его не опубликовали.

– Я никогда и не пыталась его опубликовать, – ответила я и пожалела об этом – она всего лишь пыталась снова затеять перепалку.

– Замолкни, Трентон, – рявкнула на него Минна. Потом продолжила спокойно и мягко. – Помнишь, что Пенелопе пришлось уйти в Сад Вечности?

Эми кивнула:

– Чтобы жить в цветке.

Минна поцеловала ее в лоб.

– Дедушка сейчас в Саду Вечности.

Трентон фыркнул. Минна пропустила это мимо ушей и закрыла воду. Какое облегчение! Мы были очень чувствительны к звукам. Шум воды казался нам чудовищным грохотом. Вода, бегущая по трубам, вызывала неприятные ощущения и причиняла мне беспокойство. Я даже боялась лишний раз зайти в ванную, чтобы, не дай бог, не обнаружить, что кран протекает.

– Но он же вернется? – спросила Эми.

– Что? – Минна обернулась. На мгновение я разглядела под ее безупречным макияжем жуткую усталость.

– Во второй части Пенелопа вернулась, – проговорила девочка, – она проснулась. А принц Томас объединился со Свеном, и они всех спасли.

Минна секунду смотрела на нее невидящим взглядом. Вместо нее ответил Трентон:

– Дедушка не вернется, мишка-Эми. Он навсегда останется в Саду.

– Если старик будет держаться от этого места подальше, – сказала Сандра.

Конечно, она немного беспокоилась, что он может вернуться. Но тут были только мы двое. Нет никаких сомнений – здесь всегда будем только мы, изогнутые лестницы, тикающие звуки в котлах, словно биение механического сердца, и мыши, которые глодают наши углы. Пока я не смогу найти способ развести огонь.

Минна

Минна не возвращалась в Коралл-Ривер уже десять лет. А в старый дом она не заходила еще дольше – с тех пор, как, будучи старшеклассницей, прожила полгода с мамой и Трентоном в двухкомнатной квартире в Лакаванне. Хотя, по чести сказать, большую часть этого времени она обитала у своего парня, Тоди.

Минна совершенно не хотела возвращаться. Старый дом был ей противен, даже когда дело касалось его продажи. Ее не заботили воспоминания, и она не хотела копаться в прошлом. Но ее психиатр все-таки рекомендовала это сделать.

Она сказала:

– Ты не можешь бегать от воспоминаний вечно, Минна. Ты должна встретиться со своими демонами лицом к лицу.

Минне нравилась эта женщина, она доверяла ей, но в то же время ощущала свое превосходство над психиатром. У доктора Апшоу было широкое рыхлое тело, выглядела она как человек-диван. Минна иногда воображала, как доктор с мужем занимаются любовью – она лежит без движения, складки свисают с кровати, как тесто, и она говорит мужу своим ободряющим голосом что-то вроде: «У тебя отлично получается, Дэвид. Продолжай в том же духе!»

– Мне как-то не очень хочется на свидание с демонами. Зачем мне встречаться с такими опасными парнями? – попыталась отшутиться Минна.

– Потому что ты несчастна, – ответила доктор Апшоу, и Минна вспомнила, что у нее нет чувства юмора.

Но врач права – она была несчастна, причем все время, как себя помнила. Последний парень, с которым она встречалась – Минна расценивала это как отношения, ведь они несколько раз поужинали вместе до того момента, как она оказалась у него дома с поднятой юбкой и спущенным бельем, а они оба притворялись, что все это было спонтанно и страстно, а не скучно и лениво – однажды сказал ей: «Ты вообще когда-нибудь смеешься?» Это была их последняя встреча. Минну его слова не обидели, а разозлили – неужели она действительно как открытая книга и все про нее сразу понятно?

Она не могла припомнить, когда в последний раз смеялась от души. Едва она хотела расслабиться и тянулась к теплу, заталкивая тьму и холод внутри нее подальше в глубь души, как все эти порывы разбивались о крепкую стену, которую Минна никак не могла преодолеть.

Трентон поволок сумки наверх. Она прекрасно слышала его шаги – половицы стонали, как будто им было по-настоящему больно.

Кухня была загажена. Повсюду грязная посуда, в блюде гора окурков – одна из медсестер курила? Это вообще законно? Трентон прав. Тут воняет. Минна начала сгружать тарелки в раковину, сгребать в ладонь сухие крошки со стола. Она тут всего пять минут, а ей уже нужно успокоительное, «Ативан», например.

Трентон вернулся на кухню:

– Ну и где мама? – спросил он, вытащил стул из-под Паучка и сел на него. Он двигался уже почти нормально. – Где ее так долго носят?

– Наверное, где-то напивается, – сказала Минна, – Эми, нет!

Эми дотянулась до деревянной ложки, которая лежала на Паучке. Трентон поймал девочку и зажал ее между коленей. Девочка принялась вырываться.

Минна иногда ловила себя на мысли, что она завидует Эми: как же это здорово – быть маленькой и глупенькой, как и все дети, ничего не знать и просто быть счастливой. В такие

моменты она себя ненавидела – что же она за человек, раз завидует шестилетней девочке, причем своей собственной дочери?!

– Ты будешь хорошо себя вести? – спросил Трентон.

– А ты? – ответила вопросом Минна. Боль начинала сжимать ее виски. Может, немного валиума, а не «Ативана»? Она не хотела вступать в перепалку с Трентоном, к тому же мать предупредила ее, что после той аварии он очень подавлен, так что не нужно его огорчать. А вытащить его в Коралл-Ривер прибираться в доме отца, которого он почти не знал – это его, конечно, не огорчит! – Ты не забыл принять лекарства?

– Не-а. – Трентон уткнулся в телефон.

– А зачем лекарства, мама? – спросила Эми, подергав маму за подол.

– Помнишь, дядя Трентон был в больнице? – ответила Минна. Она подняла Эми. Дочка стала такой тяжелой. Скоро Минна уже не сможет брать ее на руки. – И мы навещали его там, – девочка кивнула, – так вот, теперь ему надо принимать лекарства, чтобы быть здоровым и сильным.

– У тебя такие же лекарства? – спросила Эми. Трентон усмехнулся.

Минна поцеловала дочку в щеку. Ее кожа пахла мылом «Дав» и жвачкой с виноградным вкусом, которую девочка жевала в машине.

– Да, конечно, – сказала Минна, внимательно посмотрев на Трентона, как бы предупреждая, чтобы тот промолчал.

Но Трентон и так ничего не сказал. На его лице застыла ухмылка. Ей бы очень хотелось избавиться от постоянного желания ударить брата. Так не должно быть! Они ведь были очень близки в детстве, несмотря на то, что Минне было десять, когда родился Трентон. Она всегда присматривала за ним, заботилась, наблюдала, как он обретал форму, как маленькая губка, которую положили в стакан – сначала из розового комочка с широко распахнутыми глазами Трентон превратился в младенчика, который везде следовал за ней, хватал за джинсы, кофту – за все, до чего мог дотянуться. А после – в худого мальчика с копной светлых волос и смущенной улыбкой.

Она помнила, как разрешила ему съехать на санках с горки на дороге и как он разбил губу о дверь гаража. Как кровь текла по его подбородку – такая красная и яркая, что она сначала не поверила, что все это происходит на самом деле. Минна помнила, что перед тем, как разревется, он молча посмотрел на нее и на свои окровавленные пальцы. В тот момент все вокруг застыло, было слышно только сумасшедшее биение ее сердца и беззвучный крик ужаса, вырывавшийся из груди.

То же самое Минна испытала много месяцев спустя, когда мама сообщила ей ту страшную новость обычным будним вечером.

– Трентон в больнице, – сказала Кэролин, – в больнице Святого Луки. Врачи не знают, сможет ли он выкарабкаться. Было бы неплохо, если бы ты зашла к нему.

Вот как. «Было бы неплохо, если бы ты зашла». Как будто на обед к друзьям пригласила. Минна застыла на середине пешеходного перехода, беззвучно открыв рот, как Трентон много лет назад, пока гудок машины не привел ее в чувство. Она поняла, что на светофоре горел красный.

Он был ее маленьким братиком. Она любила его. Хотя в последнее время Трентон ее раздражал – ковырял прыщи, когда думал, что никто на него не смотрит, грыз ногти на руках до мяса, настоял на том, что теперь он вегетарианец, хотя это создало трудности всей семье, отрастил волосы так, что практически мог жевать свою челку – Минна не сомневалась, он сделал это отчасти и для того, чтобы отгородиться от нее и не встречаться лишний раз взглядом.

С другой стороны, она не могла его винить – сама была той еще сестричкой! Минна мечтала о том, что когда-нибудь они с братом смогут спокойно сесть и поговорить, и она

сможет объяснить ему, что во всем произошедшем не было его вины, рассказать, насколько гадко она себя чувствовала последние несколько лет. Минна надеялась, что с рождением Эми все изменится – она *сама* изменится.

Эми была Невинной.

Минна читала «Черный гелиотроп» и, хотя была уже взрослой для сказок, извлекла из книги основную мысль: Невинные могут спасти других и искупать чужую вину.

– Странно быть тут, – сказал Трентон. – Здесь все по-другому... Почему он не давал нам навещать его?

– Ты же знаешь отца, – проговорила Минна.

– Да не совсем... – парировал Трентон.

Минна выдвинула стул из-за старого стола – Паучка – и села. Стул закрипел, и она вдруг почувствовала себя как-то странно – как будто она никогда не была в этом доме, все было в новинку. Словно новые декорации для молодой актрисы, возведенные специально для нее. Если бы Минна не знала отца, то подумала бы, что он все это подстроил специально.

Она обняла Эми, чтобы девочка не бегала и ничего не трогала. Трентон по-прежнему ни на кого не смотрел, только уставился в свой телефон, но она понимала, что ему сейчас должно быть нелегко. Он был совсем малышом, когда мама с отцом развелись, и с тех пор видел папу очень редко, только когда Ричард появлялся на Лонг-Айленде в образе Санта-Клауса, дарил подарки и улыбки и смеялся, заставляя забыть о том, что завтра все хорошее закончится.

– Он сильно болел, – сказала Минна, – не хотел, чтобы мы его таким запомнили.

Что ж, это было правдой. Он никого до себя не допускал не ради безопасности родных, а ради своей собственной безопасности. Ричард Уокер хотел все контролировать до самой смерти.

– Вот дерьмо! – выругался Трентон. Эми тут же заткнула уши ладошками.

– Трентон! – одернула его Минна.

– Трентон сказал плохое слово, – нараспев проговорила девочка.

Она соскочила с маминых коленей и, не разжимая рук, закружилась по кухне, что-то бормоча. Ее голубая юбка раздувалась от этих движений.

– Дом, милый дом, – выдохнула Минна.

Большая ее часть уже хотела уехать. Забраться в маленький белый БМВ, который она взяла в аренду за две недели до увольнения, откинуться на сиденье, пропахшее шампунем Эми и каким-то сладким соком, и рвануть как можно дальше от Коралл-Ривер и Минны, что здесь застряла.

Но была и другая часть ее существа, которая думала – которая *помнила*, – что она когда-то была здесь счастлива. Много лет она хранила в душе образ *той* Минны – девочки, которой она была раньше, еще до того, как она стала взрослой и начала гнить изнутри.

Итак, она приехала. Чтобы встретиться со своими демонами лицом к лицу.

И чтобы навечно оставить их в прошлом.

Элис

Кэролайн Уокер зашла на кухню, как Минна – словно ожидая увидеть большую веселую компанию, – и как будто разочаровалась в том, что кухня была пустой. Лишь старые вещи, газеты и гора посуды в мойке – может, гости перепутали время или дату встречи?

– Она растолстела! – радостно закричала Сандра. – Я же говорила тебе, что так и будет!

Я не помню, чтобы Сандра это говорила. Может, это потому, что я все это время пытаюсь игнорировать ее?

Кэролайн сняла солнцезащитные очки и, не делая больше ни шагу в дом, позвала:

– Минна! Трентон! Эми! Где вы все?!

Я могу сказать, где они. Трентон был в ванной на втором этаже, рядом с его бывшей детской – Синей комнатой – с журналом на коленях и спущенными брюками. Эми сидела на полу в Желтой комнате, где ее оставила Минна. Сама же она лежала на кровати и болтала по телефону, уставившись в потолок.

– Не понимаю, почему он не сделал всем одолжение и не умер в более подходящем месте! – говорила она. – Как я сказала Трентону в машине – надо сжечь этот чертов дом!

Эми играла кисточками потертого желтого ковра, что-то напевая себе под нос.

– Конечно, тут нет даже намека на нормальную еду! Чудо, что хоть телефон ловит!

На кухне Кэролайн сняла верхнюю одежду – меховое пальто огромных размеров, которое она носила, несмотря на теплую погоду. Да, она действительно располнела. Кэролайн была по-прежнему красива, но ее красота с годами как будто выцвела, стерлась и потускнела, стала какой-то нелепой, как красивая девушка на рисунке художника-неумехи.

– И она пьяная, – Сандра напряглась, – напилась, как шлюха в воскресенье! Ты чувствуешь запах?

– Нет, – сказала я.

Я чувствовала запах духов, плесени и вони из туалета Трентона, хотя изо всех сил старалась игнорировать его.

– Это водка! – сказала Сандра с той же уверенностью, с которой любители музыки говорят: «Это Бах!» – Клянусь, это водка. «Абсолют». Нет-нет... «Столи» и немного тоника.

При жизни Сандра пила все, что только возможно. Вино или пиво, когда были гости, она имела обыкновение доливать себе в бокал из спрятанных за шторами бутылок или пить тайком в ванной, чтобы никто не знал, сколько она выпила на самом деле – и водку, когда была одна. Сандра не была разборчивой или привередливой. Она пила все – виски, джин и даже медицинский спирт, когда однажды в доме не осталось ни капли другого спиртного.

Теперь она вдруг начала разбираться в алкоголе.

– И лайм, – сказала Сандра, – это точно лайм.

Почему со мной не мог остаться кто-то другой? Например, та милая тихая девушка, жившая в конце улицы, от которой Мэгги была без ума; или мясник Сэмми – он всегда мог рассказать что-то интересное и был вежливым даже с темнокожими клиентами. Даже Энни Колинз, которая без умолку болтала о благосостоянии своего мужа и хвасталась очередной шубкой, была бы лучшей компанией.

Трентон смыл за собой. Вода побежала по трубам, они задрожали, весь водопровод завибрировал. Вода поступает и вытекает – ввод и вывод. Закон Вселенной.

Трентон спустился по центральной лестнице – его шаги были как простукивание молоточком у невропатолога: безболезненное, но раздражающее – и встал, ссутулившись, в кухонных дверях.

– Трентон! – воскликнула Кэролайн, протянув к нему руки. Он не сделал ни шагу вперед, и она застыла на месте. – Как вы доехали?

– Что случилось? – спросил он.

– В каком смысле? – Голос Кэролайн ничуть не изменился – такой же высокий, с нотками нервного смеха, как будто ей только что рассказали анекдот, и она его не поняла, но из вежливости засмеялась.

– В смысле: ты выехала сразу после нас. – Трентон прошел к Паучку, плюхнулся на стул рядом с ним и оперся головой на каминную полку. Такое чувство, что он набирался сил, чтобы пересечь комнату.

– Пробки, – коротко ответила Кэролайн.

– Брехня! – воскликнула Сандра.

– Сандра, прошу... – Я никогда не выносила ее жаргона; она была еще хуже Эда.

– Это брехня! Она сидела в баре с каким-нибудь коктейлем-лонгом. Десять к одному. Вот спорим!

– Да все было без проблем, – сказал Трентон. Голос его ничего не выражал. Он смотрел на мать прищурившись.

Она пошла на кухню, по пути собирая вещи и расставляя их на законные места: пустую вазу, покрытую пылью, скомканную салфетку, баночку из-под витаминов с открученной крышкой. Несмотря на то, что Кэролайн располнела, она до сих пор была похожа на моль: такая же суетливая и по-своему грациозная.

– Так странно, – проговорила она, – наверное, там где-то была авария. И парковочные места были...

– Ты наконец-то приехала, – сказала Минна, спускаясь вниз по лестнице. Через ее футболку угадывались контуры белья и позвоночника.

Кэролайн перевела взгляд на безучастного Трентона. Ее голос стал визгливым и неприятным:

– Конечно, я приехала! Господи боже! Все тут что, думают что я... – Она повернулась к Минне. – А вот ты наверняка гнала всю дорогу!

– Ты видела ее? – спросил Трентон.

– Кого я видела?

– Аварию, – чем больше раздражалась мать, тем спокойнее становился он. – Ты ее видела?

– Нет, я не... – Кэролайн остановилась на середине предложения и вдруг резко спросила: – К чему эти вопросы?

Он пожал плечами.

– Ну, не знаю... Я подумал, там должен быть пожар, чья-нибудь оторванная голова на асфальте или еще что-нибудь.

Минна фыркнула.

– Трентон, как можно?.. – Кэролайн покачала головой. – Что с тобой творится? Как ты можешь такое говорить?

– Это нормальный вопрос, – сказала Минна. Она отлипла от стены и пересекла комнату в мгновение ока. Села на стул напротив Трентона, прижав колени к груди. На секунду она стала похожа на прежнюю Минну.

– Нормальный... – повторила Кэролайн. – Это *ненормальный* вопрос. Это ужасно. Я не для того сюда приехала, чтобы вы надо мной издевались.

Она принялась открывать дверцы кухонных шкафчиков и захлопывать их. Меня передегивало от каждого резкого звука.

– Алкоголь теперь в столовой, – сказала Минна.

– Я же говорила, она пьяная, – вставила Сандра.

Кэролайн враждебно взглянула на дочь и пошла прочь из кухни. В коридоре не горел свет. На секунду Кэролайн остановилась, не понимая, куда идти дальше. Меня расстроил

вид этой располневшей женщины, которая больше не узнавала собственный дом, ведь я еще помнила прежнюю, стройную и красивую Кэролайн.

Трентон и Минна пару минут молчали.

Минна первая нарушила тишину:

– Не надо было ее доводить. Ты сам мне сказал, чтобы я хорошо себя вела.

– Я и не пытался.

– То, что ты сказал, было действительно ужасно. Не понимаю, почему ты так зациклен на авариях и несчастных случаях. Что у тебя за игрушка на айфоне?

Трентон глубоко вздохнул:

– Ты о чем?

– Ты меня прекрасно понял: «Катастрофа» или как-то так она называется. Ты там еще сбрасываешь персонажей с обрыва или стреляешь в них огненными шарами. Какова цель этой игры? Ну, кроме убийства людей?

В столовой Кэролайн уже нашла спиртное. Она налила полстакана водки и выпила залпом. Потом налила еще и тут же опрокинула его себе в рот.

– Очки, – сказал Трентон. Его ресницы задрожали.

Минна удивленно уставилась на него:

– Что?!

– Очки, – повторил Трентон, – за то, что их убиваешь, начисляют очки. Набрать больше очков – в этом цель игры.

В столовой Кэролайн протерла стакан из-под водки полотенцем и поставила его на место. Она взяла бокал для вина и выбрала бутылку красного. Теперь она успокоилась.

– По-моему, это идиотизм! – сказала Минна.

Я помню, как они играли в гостиной. Минна давала Трентону указания, как лучше расположить предметы, через которые покатится их мяч.

– Вон туда! – раздраженно говорила она, указывая ему направление. – Нет же! Туда! Не глупи, Трентон! Так ничего не получится!

Трентон что-то пробормотал себе под нос. Что-то вроде «как будто в «Гелиотропе» было лучше!». Если бы я была жива, то без труда поняла бы его. Но теперь мы растворяемся в звуках и иногда можем чего-то не слышать. Мы и *есть* звуковые волны – мы доносим колебания его голоса до нее и возвращаем ее голос к нему, и так далее.

– Я не понимаю. Что ты там бормочешь? – спросила Минна.

– В «Черном гелиотропе» тоже было полно смертей, – повторил Трентон чуть громче, – там уничтожили целый лес нимф, обезглавили половину Ордена, Свена затоптал Трирог...

– «Черный гелиотроп» – это книга о нравственности, Трентон. – Минна опустила ноги и поднялась со стула. В этот момент на кухню зашла Кэролайн с двумя бокалами для вина и бутылкой. Она снова была в хорошем расположении духа и беззаботно улыбалась. Она огляделась в поисках штопора и немного заволновалась, не обнаружив его с первого взгляда. Но вот Кэролайн нашла то, что искала, и снова расслабилась. Она откупорила бутылку и демонстративно налила немного вина себе в бокал.

– «Пино», – определила Сандра, – кажется, орегонское.

– Не строй из себя эксперта! – Мое терпение иссякло.

– Я и не строю.

– Ты прочитала это на этикетке!

– Я не смотрела на нее!

– Это невозможно, – констатировала я. Еще одна чертовски раздражающая штука – мы не можем выбирать, что видеть, что чувствовать, что слышать. Мы просто всегда *видим*, *чувствуем* и *слышим*.

– Не хочешь присоединиться, Минна? – предложила Кэролайн.

– Нет, лучше не надо, – ответила Минна.

– Бери бокал, ты выглядишь так, как будто тебе нужно выпить.

– Пожалуй, я возьму, – сказал Трентон.

Кэролайн смерила его взглядом своих огромных, водянисто-голубых глаз.

– Не смей меня, Трентон. Принесешь мои сумки из машины? Они в багажнике.

– Почему я должен это делать? – проворчал он, но тем не менее встал и направился к двери. Движения его были нелепыми и дергаными – он был, как ожившее пугало, которое вынуждено учиться ходить. Трентон делал большой шаг вперед, а затем слегка скользил назад, шаркая по полу.

Трентон. Мой прекрасный, грациозный, идеальный Трентон.

Он вышел на улицу, и Минна подошла к кухонному столу и налила себе вина в бокал. Она была сантиметров на десять выше матери и гораздо стройнее, но тот факт, что Минна осветлила волосы, делал ее сходство с Кэролайн более разительным. Они были как две версии одной картины: Минна – современная графика, ее мать – акварель.

– Где Эми? – спросила Кэролайн.

– Наверху, – сказала Минна. И добавила после паузы: – Хочет знать, куда делся дедушка.

– Это нормально. – Кэролайн снова отпила, но в этот раз не очень осторожно – вино разлилось, и бокал теперь был полон менее чем наполовину. Она присела за стол, крутя его в руках. – Наверное, треснул, – сказала она визгливым нервным голосом, прежде чем снова наполнить его до краев.

На пару секунд на кухне воцарилось молчание. Затем Минна сказала:

– Так странно снова вернуться сюда. Это место выглядит...

– По-другому?

Минна покачала головой:

– Нет. Таким, как и прежде. Вот это-то и странно.

Она протянула руку к маленькой свинке – фарфоровой солонке, одной из многих, купленных Ричардом Уокером.

– Зачем он хранил весь этот мусор?

– Ты же знаешь, – Кэролайн отхлебнула еще вина, – твой отец не любил расставаться с вещами.

Она сказала это с болью в голосе.

Ричард Уокер был коллекционером. Он привозил расписанные вручную пепельницы из Мексики и бусы из Гватемалы, статуэтки Будды из Индии и дешевые плакаты из Парижа, которые он развешивал в своем кабинете рядом с работами Энди Уорхола. Он коллекционировал монетки и часы из других стран, дешевые венецианские маски и эскимосские предметы искусства, а также кружки, брелоки и магнетики.

Минна ходила по кухне кругами, как зверь в клетке.

– Хлам, хлам, хлам, хлам, – приговаривала она, – повсюду один хлам! Уйдет вечность на то, чтобы это рассортировать. Предлагаю все просто выбросить.

Кэролайн вздохнула:

– Тут есть что-то стоящее. Деньги нам всегда пригодятся.

– Хочешь устроить аукцион? – спросила Минна.

Кухонная дверь хлопнула. Кэролайн и Минна подпрыгнули от неожиданности – никто не заметил, как вошел Трентон, волоча за собой сумки матери. Они напомнили мне старые ботинки Эда – когда он их очень долго носил и часто и скрупулезно чистил. На сумках не было дыр или пятен, но выглядели они как-то потасканно.

– О чем вы говорите? Какой аукцион? – спросил Трентон.

Минна и Кэролайн молчали. Мать заговорила первая.

– Будем продавать вещи твоего отца, – выпалила она, – те, которые нам не нужны.

– Когда? – Трентон прислонился к кухонной двери, чтобы стоять как можно дальше от матери и сестры.

– В конце месяца, – сказала Кэролайн и поставила на место солонку, которую взяла Минна.

Трентон перевел взгляд с матери на сестру. Минна опустила глаза.

– Больные, – сказал он, – вы больные! Мы тут меньше часа, а вы уже...

– Он все равно не поймет. – Минна закатила глаза.

Трентон уставился на нее, как на прокаженную.

– И вы еще меня называете ненормальным?! – Он резко сорвался с места и ринулся через кухню. Его шаги загрохотали по лестнице. Каждый отдавался во мне болью и яркими разноцветными вспышками, словно я долго смотрела на солнце.

– Не понимаю этого мальчика, – вздохнула Кэролайн.

– Он очень ранимый, – Минна развела руками, – к тому же он едва помнит папу. Трентон не знает, каким он был придурком.

– Не говори так про отца, – мягко произнесла Кэролайн.

– Но он же был придурком! – продолжала настаивать Минна.

– Я хочу есть, – сказала мать, – ты голодная?

– Не очень.

– Наверное, Эми проголодалась.

Кэролайн принялась за инспекцию кухонных шкафчиков: они были переполнены продуктами, хотя Ричард Уокер готовил крайне редко. Там стояли коробки со смесью для выпечки блинов, открытые пакеты с чипсами, около шести пачек хлопьев, консервные банки с фасолью и тунцом, баночка с медом (из-под крышек пара капель вытекла на полку, и банка прилипла к ней), жестянки с сардинами и коробки с макаронами, а также мешочек риса, в котором уже завелись клещи.

– Что ты делаешь? – спросила Минна.

– Ищу, что приготовить на ужин, – ответила Кэролайн, – а на что еще это похоже?

Минна резко захлопнула дверцу шкафа.

– Мы не будем это есть, – сказала она с таким видом, как будто Кэролайн предложила ей поужинать блюдом из какого-то мерзкого насекомого.

Кэролайн попыталась открыть шкафчик, но Минна крепко прижимала его рукой.

– Минна, прошу. Ты ведешь себя хуже, чем Трентон! Он бы с удовольствием на это посмотрел!

– Нет, я не про это... – Девушка выглядела сконфуженной. – Я говорю о том, что это отвратительно. Это все лежало *здесь*, когда... тут куча микробов!

Бледно-голубые глаза Кэролайн расширились от удивления.

– Ради бога, Минна! Смерть – это не инфекция, она не заразна.

Девушка убрала руку от шкафа, но сказала:

– Я не буду это есть. И не позволю Эми.

– Ой, Минна... – вздохнула Кэролайн, но все же отошла от полок с продуктами и, взяв в руки свой бокал, осушила его.

Сандра

Я вот что скажу: все, что вам тут про меня нарасказывали, – полная брехня! Не нравится, как я говорю, – терпите! Моя речь – это все, что у меня осталось своего.

Элис даже не рассказала вам, как я умерла.

Я не говорю, что она лгунья или любит недоговаривать. Ее проблема в том, что она – ханжа. Элис из того поколения праведников, которые бегут мыть тебе рот с мылом после каждого крепкого словца. А еще она себе на уме.

Взять хотя бы Минну. Элис все время талдычит о том, какая она красивая. Ага, красивая, если вам нравятся огромные силиконовые титьки, которые висят как две дыни, и шустрые глазенки как рентгеновский аппарат – все высматривают, сколько там денег у тебя в кошельке.

Нет уж, увольте.

Я знаю, что Минне было трудно. Все эти бесконечные занятия по фортепиано. Пальцы у нее болели чудовищно... Но, эй! Ни у кого из нас колода жизни не бывает полной – парочка карт все равно будет отсутствовать. Просто сделайте что-то с этим, вот что я вам скажу! Я вдоволь про это начиталась. Про все эти неврозы, психозы, расстройства, мании и так далее, и так далее! Я работала на доктора Говарда Риверса в его психиатрической клинике. Так что я вдоволь хапнула и церковной терапии, и всяких программ типа «Двенадцать шагов».

Все сводится к одному: будешь ли ты играть картами, которые у тебя на руках, или спасуешь?

Вот, например, я: нельзя сказать, что мое детство было легким. Мы жили в Силвер-Лейк, штат Джорджия – это территория трейлерных парков и домишек в одну комнату, вечно цветущий сад, где плоды висят на персиковых деревьях, как обвисшие сиськи, а каждое лето мягкое и влажное, как собачий язык.

Про отца помню немного: рот у него был тонкий как застегнутая молния. Когда он ко мне обращался, – что бывало редко, – то только за тем, чтобы спросить, почему я не могу вести себя хорошо, как другие девочки, ни с кем не драться на игровой площадке и «вообще ты когда-нибудь научишься слушаться взрослых?!».

Я не видела, чтобы он хоть раз поцеловал маму или взял ее за руку. Он проводил много времени с друзьями в местном «Ротари клуб», особенно с Аланом Бриггсом. Мама часто истерила своей сестре в трубку, что не знает, чем он там занимается, и что будет, если он бросит ее ради какой-нибудь молоденькой шалавы. Когда мне было семь, она пришла домой пораньше с ужина в Дикси-Юнион и застучала отца голым в постели с Аланом. По крайней мере, она мне потом так рассказывала.

Они с отцом развелись, и мы с мамой переехали в маленький дом в «цветной части города» – ее и сейчас так называют. Шли шестидесятые года на юге страны, а это значит, что настроения были как в сороковых во всем мире. В школе у меня за спиной шептались о странностях моего отца, а еще меня называли «негролюбкой». Это не я придумала. Силвер-Лейк – милое и живописное место, полное уродов и засранцев. Я помню дома, стоявшие в ряд, как домино, ярко-желтые в лучах утреннего солнца с красными пятнами растущего во дворах кампсиса, и частоколы, покрытые мягкой пылью. А также я помню вывески «Только для белых» и тучи клещей и тараканов размером с ладонь ребенка. Земля возле стоков ими кишмя кишела.

Цветные, черные, белые, желтые, геи, лесбиянки или натуралы – для меня все это не имело значения. Наверное, потому что мой отец никогда со мной об этом не говорил. И любил баловать под хвост своих дружков за спиной у матери. И каждую субботу и воскресенье надевал одну и ту же рубашку для боулинга. Но я все равно его любила. Не знаю,

почему и как. Может, потому, что он приносил мне леденцы и катал по Мэйн-стрит на своем небесно-голубом «Кадиллаке-Эльдорадо», большом и гладком, как лодка, с плавниками как у акулы.

Так родители преподают нам первый урок любви: делай, что хочешь, но не люби!

Я не собираюсь ныть, жаловаться на свои проблемы и ждать, что все бросятся меня жалеть. Я хотела уехать из Джорджии и я это сделала. Я и не ждала принца-избавителя на белом коне, который предложит руку и сердце, а вместе с ними и пожизненный абонемент на готовку и стирку.

К тому времени наступили семидесятые, и многое изменилось. Чем дальше на север я продвигалась, тем сильнее все менялось. Пока, наконец, в Нью-Йорке я не обнаружила, что наступило будущее.

Забавно, да? Как быстро будущее становится прошлым. Спорим, Трентон понятия не имеет, кто такой Джими Хендрикс. А про Дженис Джоплин, Нила Янга и Джерри Гарсия даже спрашивать не стоит.

Что сказать о Трентоне? Угрюмая личинка человека, что-то среднее между парнем и овощем.

Теперь Кэролайн – она как бисквит, который оставили на ночь пропитываться алкоголем. Не мне судить, конечно – сама не без греха – но даже я не стала бы опускаться до того, чтобы пить в одиночку.

Ричард – хуже всех. Никогда не мог удержать своего дружка в штанах и портил другим людям жизнь своим нытьем и капризами, особенно под конец жизни: «Не хочу куриный бульон, хочу томатный суп! Включи отопление посильнее! Теперь выключи! Нет, теперь снова включи!» Мы часто заставляли его бедных медсестер и сиделок плачущими в столовой. Они прятались в темноте, за пыльной мебелью – эти взрослые женщины беззвучно рыдали, спрятав лицо в ладони. Самая большая услуга, которую Ричард мог оказать всем, – умереть.

Думаете, я чересчур резкая? Да, я никогда не любила приукрашивать факты. Правда есть правда. Несмотря на то, что теперь я представляю собой странное месиво из осколков и пыли, у меня осталось чувство юмора. А, вот что еще сильно напрягает меня в Элис – она вообще не умеет смеяться. Я ощущаю, что она на взводе, как газировка в бутылке, которую только что хорошенько встряхнули – эту дамочку как будто зажали между двумя полужопами, где она до сих пор и пребывает.

Только один вопрос: что она все-таки скрывает?

Трентон

Правда — это все, чего хотел Трентон. Чтобы хоть кто-то из его семьи рассказал ему правду.

Было семь часов. Он лежал в своей комнате — она была такой, какой он ее помнил, только без мусора. Трентон слушал приглушенные голоса матери и сестры снизу. Они спорили о том, что сделать на ужин. И ему вдруг пришло в голову, что с последнего визита в Корралл-Ривер он не слышал от них ни единого слова, в котором не было бы хоть капельки лжи.

Он не знал, почему это так важно для него. Может, он хотел обрести *целостность*. Ему нравилось это слово, *целостность*, он вычитал его в «Британской литературе», которую в своей компании в Андовере они называли «Ботанская литература». Учительница литературы, мисс Паттерсон, была ничего такая. Большинство преподавателей в Андовере реально старые, им уже за сорок, и они в своих узких костюмах, как психи в смиренных рубашках, чтобы лишний жир не сбежал, наверное.

Но мисс Паттерсон не такая. Ей было двадцать восемь, — она сама так говорила, — в общем, не такая уж и старая. Но выглядела она моложе двадцати восьми. И ходила с распущенными волосами. Они были темные, мягкие и всегда немного взлохмаченные. Девочки смеялись у нее за спиной, говорили, что она не умеет их сушить и укладывать. Они также смеялись над ее одеждой — она могла надеть кроссовки с юбкой и темными старушечьими колготками. А в другой раз прийти в свободных черных брюках и бесформенной кофте из овечьей шерсти.

Но Трентону это нравилось. На других девушек из Андовера он не мог даже мастурбировать. Они были вне досягаемости. Их джинсы плотно обтягивали попы, а волосы были гладкими, как масло, уголки их губ всегда приподняты, и они смеются над шутками, которые он не понимает. Эти девушки на выходных летают или ездят в Нью-Йорк и возвращаются с победными ухмылками и новой историей: они отсосали кому-то в такси, они закинулись «экстази» и переползли за стойку ди-джея в клубе «Баттер».

К тому же они все умные. Ему, Трентону, нелепому и едва набирающему проходной балл, нечего им предложить.

Целостность. Она позволяет, не стыдясь, ходить лохматым и в кофте из овечьей шерсти. Она делает тебя лучшим парнем в школе, даже если остальные зовут тебя педиком и толкают в коридорах в тех случаях, когда не делают вид, что тебя не существует.

Всем в его семье была нужна целостность. Все были *разъединенными* (антоним, он посмотрел его в словаре) в психологическом смысле. Его мать, Кэролайн, была самым ярким примером. Она лгала обо всем так долго, что Трентон уже перестал улавливать отличия между правдой и ложью. Теперь он знал, что не может доверять ни одному ее слову, особенно тем, что касались отца: «Он любил тебя, Трентон, очень любил...»

Чушь собачья!

Некоторое время он верил, что Минна обладала этой самой *целостностью*, но он ошибался. Ее два больших *дополнения* во внешности, которые появились не так давно, выглядели как доказательства ее вины перед всем миром. Было еще кое-что, что он знал от матери: жгуты, иголки и таблетки. Трентон мог бы ее простить, если бы по ее вине не сорвались их семейные выходные той весной.

А она даже не извинилась. Она упорно избегала этой темы, как и всего прочего, потому что ей не хватает *целостности*, потому что она настоящая *мразь*!

Только с Эми все в порядке, но она не считается, потому что ей всего шесть лет. И она ничего не знает. Наверное, она вырастет такой же лживой гадиной, как все они.

Трентон почти не виделся с отцом с тех пор, как родители развелись, и никогда не возвращался в Коралл-Ривер. Ричард сам приезжал в Нью-Йорк. Он брал сына на представления, которые были Трентону глубоко безразличны, водил по ресторанам, в которых все блюда в меню были настолько отвратными, что мальчик заказывал только бургеры. Но, по странному стечению обстоятельств, Трентон был ближе всех к отцу. Он знал, что Ричард был сочетанием несочетаемого: необычный, увлеченный, *эффектный* (еще одно слово от мисс Паттерсон) человек, но вместе с тем самый настоящий самовлюбленный мудак.

Но он был честным. Говорил жестокую правду. Трентон помнил тот момент, когда они были в кафе «Боулуд», и он пытался скрыть эрекцию (какого черта это произошло?! Не очень симпатичная официантка всего лишь коснулась его грудью, когда забирала с их стола пустой бокал). И отец тогда сказал ему: «Знаешь, ты еще услышишь от своей матери много гадостей про меня. Я был плохим мужем. Это да. Но эта женщина – просто сумасшедшая, а я сделал все, что от меня зависело. Запомни, Трентон. Это не твоя вина». А позже он сидел на заднем сиденье такси, расслабленный после алкоголя, еле сдерживая слезы благодарности к отцу.

– Трентон, ужинать! – Голос сестры просочился через половицы, и ему показалось, что он услышал тихий вздох.

Целостность. Это слово застряло в его голове, встало как лестница, ведущая в непознанные дали.

Трентон хотел умереть целостной личностью. Была одна причина – всего лишь одна, – по которой он вернулся в это место, которое больше не было его домом. Он хотел умереть.

Когда Трентон прошел по темному коридору и начал спускаться по лестнице, одна мысль промелькнула в его голове и принесла чувство странного покоя.

Он услышал тихий голос, который как будто прошептал ему откуда-то издалека: «Надеюсь, они сожгут это место дотла».

Элис

Ужин заказали из «Кафе и ресторана Мика». Я узнала эту упаковку, поскольку одна из сиделок иногда приносила Ричарду еду оттуда, когда он еще мог есть твердую пищу. Больше всего он любил макаронный салат и сэндвичи с ростбифом.

Я сама никогда не была в этом заведении. В мое время в Коралл-Ривер был только один большой магазин Вулворта, почта, бар и кинотеатр, в котором показывали один фильм в месяц. Сандра рассказала, что при ее жизни в Коралл-Ривер открыли итальянский ресторан, «Макдоналдс», новый бар, еще две заправки, магазин стройтоваров, книжный магазин и бутик одежды под названием «Кордерой». С тех пор город мог только вырасти и расширяться.

Минна, Кэролайн, Эми и Трентон ели прямо из ресторанных контейнеров и даже не потрудились выбросить пакеты, а просто свалили их в кучу в центре стола. Трентон ел сэндвич с сыром на белой булке. Он жевал задумчиво и шумно, временами расплавленный сыр капал на бумагу, в которую был завернут сэндвич. Капли стекали на стол и застывали в форме белого цветка неправильной формы.

Кэролайн ела макаронный салат – как невольное напоминание о вкусовых пристрастиях ее бывшего мужа – и горячий куриный суп и все дальше уходила от действительности по мере того, как пустел ее стакан с водкой. Минна взяла шеф-салат и жаловалась на то, что он был ужасно приготовлен. Эми кушала запеченные зити в томатном соусе, отчего ее губы были перемазаны красным – создавалось впечатление, что у нее был второй рот.

Сандра скушает по выпивке. Я скушаю по еде. Это странно – при жизни хорошим аппетитом похвастаться я не могла. Даже когда носила Мэгги, я почти не хотела есть, просто иногда что-то перехватывала. Мой врач сказал, что я самая худая беременная женщина из всех, что он видел. Все девять месяцев я питалась консервированным зеленым горошком, тунцом и еще немного пила пиво. Это все, что я могла есть. И да, в то время мы особенно не заботились о том, как алкоголь повлияет на ребенка.

А теперь все, о чем я могу думать, – это жареная свинина с подливкой, картошка с маслом, мамин рождественский хлеб со специями, глазуня с высокими желтками цвета заходящего солнца, тосты на свином сале, первые персики нового урожая, миски со сливками и воздушное печенье.

Я помню, как мы с Эдом в первый раз ужинали, сидя у нашего черно-белого телевизора с двенадцатидюймовым экраном, и как ели со стоящего на коленях подноса поджаренную гороховую кашу. И еще помню, как впервые летела на самолете проводить Мэгги, мне тогда было уже за пятьдесят: там были новые удобные сиденья и улыбающиеся стюардессы. А также пюре, серый плоский кусок индейки и желе – каждое блюдо в отдельной части пластикового контейнера. Если вы спросите меня, что такое современность, я скажу: бесконечное отделение одного от другого.

Йогурт, черника, маргарин и брюссельская капуста.

Я все помню.

Медный чан: мама подарила мне его на свадьбу. Она пришла тайком, чтобы отец не знал («Помогай тебе бог» – это были ее последние слова, сказанные мне).

Большая кастрюля с чугунными стенками: на большом пальце набухает волдырь от ожога, красный, блестящий и тугой, как голова новорожденного.

Окно: открывалось прямо над плитой. Запах куриного жира и растительного масла. Голубые колумбины поднимались к подоконнику, тени снаружи были длинными и светло-лиловыми.

Одна тень была больше остальных и быстро увеличивалась – это Эд возвращался домой.

Так было каждый день нашего тридцатичетырехлетнего брака, за исключением того периода, когда Эд уходил на войну. Тени на холме становились длиннее, на кухне было очень жарко и вкусно пахло: когда были деньги – мясом, когда их не было – старым салом и картошкой. Одна тень удлинялась все больше, как растекающееся пятно краски, пока не доходила до двери и не становилась человеком.

– Что у нас на ужин? – спрашивал Эд, когда был в хорошем настроении. А затем скидывал куртку, расшнуровывал ботинки и аккуратно чистил их щеткой для обуви, которая лежала возле кухонной двери.

Если он был в дурном расположении духа или если он приходил нетрезвым, то он кричал: «Какого черта тут так воняет? Что за гадость ты там приготовила?»

Но сначала настроение у Эда всегда было хорошим. У нас был собственный дом, и мы были вольны делать все, что захотим. После первого дня работы Эда в магазине Вулворта (мы закупили половину мебели там – половину взяли по скидке, другую половину – в кредит, она пахла лесом и полиролью... Столько воспоминаний приходит разом, они толпятся у меня в голове!) я набрала большую пригоршню цветков и листьев полемониума – краешки листьев были хрупкие и потемневшие, они напоминали древние копия – и украсила ими старый камин, который к тому времени не разжигали уже лет двадцать.

– Что у нас на ужин? – спросил Эд и скинул куртку. Эд Ланделл был самым красивым мужчиной, что я когда-либо видела. И каждый раз, когда я на него смотрела, могла думать только о том, какая я счастливица, что он выбрал именно меня. У него были иссиня-черные волосы, волевой подбородок и глаза орехового цвета.

– Курица, – ответила я. Сколько счастья было в этом слове! Вот она – взрослая жизнь: я отвечаю своему мужу, что сегодня приготовила на ужин. Мне было двадцать лет, и я верила, что мы будем счастливы всю жизнь.

Мы ели. Да, кажется, мы ели в тот момент. Помню, как Эд сказал всего пару слов про магазин и много говорил о железной дороге. Это была его излюбленная тема в те дни. Тогда поговаривали, что скоро проложат дорогу между Бостоном и Буффало, и проходить она будет рядом с Коралл-Ривер. Именно поэтому Эд решил купить этот дом, который в то время находился на отшибе – до ближайшей остановки нужно было идти пару километров, а потом еще несколько километров до Коралл-Ривер. А до ближайших соседей было как минимум полтора километра.

Эд уверял меня, что, когда построят железную дорогу, дома начнут вырастать вокруг как грибы после дождя. Появится целый лес современных построек. Мы были тут первооткрывателями. Он также ожидал, что строительная компания предложит выкупить наш участок втрое дороже – Эд неоднократно слышал о такой практике.

Но железную дорогу так и не построили. И дом стоял все так же в стороне от остальных. Он даже стал еще дальше от людей и цивилизации, когда наш ближайший сосед, мистер Донован, погиб на войне, а его жена-вдова переехала с сестрой в Бостон. Тогда Эд утратил интерес к прогрессу, перестал копить на пылесос новейшей модели и громко восхищаться рекламой электрических чайников и телевизоров.

Тогда хороших дней в нашей жизни стало совсем мало.

Но все это было впереди. Нам предстояло пройти через многое – войну, холодные и голодные зимы, рождение Мэгги, долгие периоды молчания. А пока мы не знали, что никакой железной дороги не будет. Мы были еще детьми и не знали *ничего*.

Я переварила курицу. Я помню, как сейчас. Шкурка была как резиновая, но Эд был так голоден, что не заметил этого. Он съел все, что было на тарелке, и попросил добавку. Я была так счастлива! Поцеловала его в красивый лоб и взяла тарелку, чтобы наложить еще.

В конце ужина он заметил листья и цветы в камине. Эд рывком встал.

– Что это за гадость? – спросил он.

– Цветы и листья со двора, – сказала я, – я подумала, что они будут выглядеть очень мило.

Он нахмурился.

– Выброси это, – сказал Эд, громко рыгнул и ушел из кухни.

Впервые с тех пор, как мы поженились, я захотела расплакаться. Но не стала. Я подумала, что мои родители будут рады узнать, что я несчастлива в браке. «Мы же тебя предупреждали!» – сказали бы они. И вместо того, чтобы заплакать, я пошла к камину и стала убирать листья, один за другим. Внутри он был покрыт слоем старой золы, и когда я закончила, то обнаружила, что перемазала ею локоть. Я не хотела выбрасывать цветы в мусорную корзину и поэтому собрала их в ладони и вынесла во двор, пустив их по ветру. Чтобы они летели по холмам, которые уже окутывала тьма. У меня возникло страшное и отчаянное желание убежать, но я застыла как вкопанная и стояла так до тех пор, пока не стал подниматься ветер и летучие мыши не заскользили по темному небу. И Эд крикнул мне, чтобы я зашла в дом.

И я зашла.

Я помню.

Металлическая красная рамка все стучит, и стучит, и стучит по стене, как будто где-то в ночи кричит койот.

Видите? Даже теперь я могу восстановить воспоминания, одно за другим. Лепестки прошлого все-таки прибывают из-под золы.

Все заснули. Минна спала в Желтой комнате, обняв Эми, их волосы переплелись на подушке. Трентон спал в Синей, лежа на спине, подогнув руки под себя. Кэролайн остановилась в Ромашковой комнате – в последний момент она испугалась ночевать в хозяйской спальне, ведь это напоминало ей о долгих и мучительных годах ее брака. Даже Сандра – хотя она, конечно, не спала – притихла, так что ее присутствие было почти незаметным. Я не могла забыть о том, что сказала Кэролайн Минне о смерти.

Смерть – это не инфекция. Возможно, она права. Мы гнездились на стенах, как бактерии. Мы заняли весь дом вплоть до теплоизоляции и трубопровода. Теперь он наш.

А может, это *жизнь* – инфекция? Сон в бреду, галлюцинация? А смерть – это очищение, исцеление.

Минна встала ранним утром, чтобы привезти большие коробки из магазина хозяйственных товаров. К тому времени, как все проснулись, она привезла уже около дюжины и выстроила их аккуратно в ряд, как картонные гробы, готовые принять в себя остатки земного существования Ричарда Уокера.

И началось очищение.

Часть II Кабинет

Сандра

– Ужасная вещь! – произнесла Минна – Просто чудовищная. Выглядит как вульва.

Да, нужно признать: Минна, конечно, тупая, как пробка, но забавная. И, кстати, она права. Лампа на столе Ричарда Уокера должна была быть похожа на розу – все завитки и висяюльки сделаны из розовой и белой ткани, а между ними маленькие лампочки – но на самом деле она выглядит как толстуха, задравшая юбку.

– Минна... – Кэролайн потеряла виски. На часах девять тридцать, а она пока опрокинула только одну стопку. Ей полегчает после второй или третьей.

– Нет, правда, отвисшая вульва, – добавила Минна. Она покачала головой и продолжила упаковывать часы из коллекции Ричарда. – И кто станет все это покупать?

– Твой отец.

– И зачем ему все это было нужно? – Минна сделала козью морду. – Это просто куча мусора. Барахольщик несчастный.

– Твой отец был не барахольщиком, – сказала Кэролайн, – а коллекционером. Осторожнее, Минна. Тут есть и дорогие часы.

– Хлам, – ворчала Минна, укладывая пресс-папье на аккуратно сложенный шерстяной платок в другую коробку. Картонные коробки постепенно заполняли дом, – один сплошной хлам.

– Я говорила с Дэни Сазерленд, – проговорила Кэролайн, одной рукой массируя висок, а другой держа пластмассовую кружку, из которой отпивала понемногу. Отвертка: две части водки, одна часть апельсинового сока.

Минна одарила мать безразличным взглядом.

– Помнишь Дэни? Ее сын, Хэнк, еще нянькой подрабатывал. А, ну вот! Дэни теперь занимается недвижимостью. Ей не очень нравится сегодняшняя ситуация на рынке, она говорит, что, наверное, придется потерпеть пару лет, чтобы продать дом по нормальной цене. Хотя нам может повезти, и покупатель найдется прямо тут, в городе. Ну, посмотрим...

Минна оторвала зубами конец полоски скотча.

– Может, нам не стоит его продавать. По крайней мере пока.

– Конечно, стоит! – Кэролайн нахмурилась, ее лицо стало похоже на растекшийся пудинг.

– Не ты одна решаешь, – сказала Минна.

– Нет, именно я решаю. Теперь это мой дом. По всем бумагам.

Минна уставилась на нее.

– Трентон был прав, – проговорила она, – тебе плевать. На папу, на дом и вообще на все.

– Минна, прошу, не надо этого ребячества! Конечно, мне не плевать. Но у меня большие проблемы с деньгами. Да и тебе они пригодятся. – Она сделала еще глоток и почти допила содержимое кружки. Теперь все встало на свои места: потрепанные сумки, дорогая, но уже старая одежда, дырки на кофте.

Минна принялась заматывать скотчем другую коробку с таким напором, как будто связывала дикое животное.

– Тебе надо было выйти замуж за того парня – как там его звали? Еще косметикой занимался... Генри какой-то там...

– Гарри Фейрфилд.
– Тогда бы и проблемы с деньгами решила.
– У него сильно потели ладони, – вздохнула Кэролайн, – и вообще, нельзя же выходить замуж только из-за финансовых соображений.

Минна фыркнула:

– А не по этим ли соображениям ты «влюбилась» в папу?
– Минна, нет! Конечно, нет! – Кэролайн либо действительно была шокирована, либо мастерски притворялась.

– Он был на десять лет старше тебя.

– Все было довольно сложно... – Голос Кэролайн стал тише, и наконец-то разгладилась недовольная складка на лбу. – Я любила твоего отца. Правда, любила. Он просто был...

– Говнюком?

О, назвать его так – *ничего* не сказать!

– Трудным человеком. – Кэролайн снова нахмурилась и хотела сделать еще глоток, но чашка была пуста, только остатки апельсиновой мякоти прилипли к стенкам.

Минна открыла верхний ящик стола и тяжело вздохнула.

– Бумаги, конверты, открытки. Никакого порядка.

Она с силой захлопнула его и открыла второй. И удивленно выдохнула:

– Не знала, что у папы был пистолет!

– Пистолет?! – повторила Кэролайн.

Минна осторожно достала оружие двумя пальцами, как будто это был грязный носок.

– Не направляй его на меня, Минна.

– Я и не направляю.

– Пожалуйста, положи его, пока сама не поранилась.

Минна закатила глаза и вернула пистолет в ящик стола.

– На то, чтобы все это разобрать, уйдет не одна неделя.

Кэролайн стояла, уставившись в кружку. Потом подняла голову:

– У тебя остались хорошие воспоминания, связанные с этим домом?

– Нет, – отрезала Минна, но потом помолчала и добавила: – Если только парочка. Помнишь, как ты разрешала мне играть с мячом в коридоре наверху? И сама играла со мной. А когда на улице был дождь, мы вместе смотрели фильмы, лежа у тебя на кровати.

– Тебе больше всего нравился «Волшебник страны Оз». Ты хотела, чтобы и тебя тоже унес ураган.

– А еще я помню, как Трентон учился ходить. И потом повсюду следовал за мной. Это так бесило!

Элис вздрогнула. Ой, надеюсь, она не будет хныкать. Вы бы видели Трентона, когда Кэролайн только-только принесла его из роддома: мелкий красный комочек с тремя волосиками, торчащими посреди лба – самый уродливый младенец из всех, что я видела. А запах стоял! Памперсы, отрыжка, пердеж! Полный отстой.

А вот Элис просто таяла от восторга. Я видела ее у детской кровати, когда она думала, что я отвлеклась. Она наклонялась к ребенку, пела свои дурацкие песенки, бормотала и что-то ему шептала, как будто он мог ее услышать.

– Помнишь наши праздничные вечера под Рождество? Твой отец пел. А вы с Трентоном спорили, кто будет подвешивать на елку ангела. Я помню, как прекрасно ты играла на пианино...

– Я его ненавидела! – громко сказала Минна. Кэролайн аж рот открыла.

– Неужели? Но у тебя отлично получалось. Все говорили, что тебе прямая дорога в Джульямскую школу. – Она попыталась стряхнуть несколько оставшихся капель себе на язык.

Минна свирепо уставилась на нее.

– Ты серьезно?! Да тебе и вправду на все плевать!

Глаза Кэролайн стали как блюдца.

– Не понимаю, почему ты так злишься, Минна. Мы же просто разговариваем...

Девушка злобно смотрела на нее.

– Выпей еще, мама! – наконец сказала она, а затем с силой хлопнула дверцей шкафа и пулей вылетела из кабинета.

Трентон

Пистолет, найденный Минной, разочаровал Трентона. Он надеялся увидеть черный и гладкий ствол, представлял, как круто он будет смотреться заправленным за пояс. И как круто будет выглядеть сам Трентон. Такой пистолет заставит всех подумать дважды, прежде чем наезжать на его владельца. С таким оружием можно сравнять счет в любом споре и превратиться из неудачника в классного парня.

Но отцовский пистолет был старым и очень тяжелым. За пояс он не влезал, да и если бы влез, то точно кое-что отстрелил бы Трентону. Он выглядел как экспонат в музее криминалистики. И к тому же Трентон не знал, был ли он заряжен. И как это проверить, тоже не имел понятия.

Он видел настоящий пистолет только один раз в жизни, на той ужасной вечеринке, где заработал свое постыдное прозвище. Многие думают, что авария была худшим событием в его жизни, но для Трентона она была как освобождение от мук.

Все, что было после, – боль, таблетки, металлические штыри, поддерживающие голень, проволока в челюсти и энергетические коктейли, которые вливались в него через соломинку и по вкусу напоминали песок, – было ужасно. Но сам момент аварии, этот страх, яркий свет и уверенность, что вот она, смерть, привел его в странное состояние покоя, который он не испытывал уже несколько лет.

«Вот оно», – подумал он перед тем, как раздался чудовищный скрежет металла. Потом была вспышка и тьма. А ему было хорошо и спокойно. Больше никаких неудач, никаких обломов, никакого одиночества, давящее, как полный мочевого пузырь, который никак не опустить.

А потом он очнулся. Трентон раньше никогда не задумывался о самоубийстве, но тогда в больнице оно начало казаться единственным выходом. Простым, изящным и даже смелым.

В самоубийстве была целостность, решил он.

Можно было всадить пулю в голову через рот, но «русская рулетка» – это не выбор целостной личности. Если хочешь убить себя, надо быть уверенным на сто процентов. Шансы и сомнения – это для идиотов.

Именно это Деррик Ричардс предложил на вечеринке: всем сыграть в «русскую рулетку». Трентон отмалчивался, как обычно, и надеялся, что никто не заметит, что он не будет участвовать. Деррик был таким ослом, что стал играть. Да и его идиоты-друзья тоже. К счастью, он так напился, что не удержал равновесие, споткнулся в момент выстрела, и пуля угодила в окно. Потом кто-то отобрал у него пистолет, и все играли в карты на раздевание, не обращая внимания на то, что на улице стоял декабрь, и снег залетал сквозь пробитое стекло.

Он услышал смех наверху и быстро засунул пистолет обратно в ящик отцовского стола, где и обнаружил его после того, как Минна случайно о нем упомянула. Хотя, может, и не случайно. Может, она знала, что он собирается сделать, и подталкивала его к этому. Вполне возможно. Нет ничего хуже, чем быть прыщавым фриком с сестрой типа Минны. Наверное, она знает, что он все еще девственник.

Если бы она только знала правду! Он даже ни разу не целовался! Ну, по крайней мере, так, чтобы это считалось за настоящий поцелуй.

Смех затих. Может, ему показалось. Прошлой ночью, перед тем, как заснуть, он слышал тихие шепотки и женские голоса в поскрипывании половиц. Он бы винил во всем обезболивающее, но уже давно перестал его принимать. Хотя и сохранил таблетки. Так, на всякий случай.

Он открыл ящик и снова взял оружие. Пистолет был тяжелым. И на кой черт он отцу понадобился? Зачем вообще ему были нужны все эти вещи? Точилки для карандашей разных форм и размеров, старинные игрушки, старое радио. Бред какой-то.

Неожиданно Трентон напрягся от тишины, воцарившейся в доме. Мать уехала, наверное, для того, чтобы купить еще выпивки. Минна на кухне готовила обед для Эми.

Он может это сделать. Прямо здесь, прямо сейчас. Трентон может слегка прикусить холодный металл, ощутить его вкус на языке, вышибить себе мозги и вернуться в то блаженное состояние покоя, где он больше не был ни ничтожеством, ни героем – потому что был *никем*.

Но он не мог заставить себя сделать это. Трентон думал про этого идиота, Деррика Ричардса, про его розово-оранжевые штаны, удобные, как и вся его одежда, полуоткрытую грудь, уже покрытую первой растительностью, мясистые бедра. Он снимал одну вещь за другой в картах на раздевания, и его это совершенно не заботило. А Трентон не играл, сидел напряженный и едва дышал, ведь справа от него сидела Энджи Салазар (он никогда и не думал, что она может быть такой привлекательной), уже раздетая до нижнего белья. И каждый раз, когда она тянулась к картам, ее грудь колыхалась, и Трентон видел, как плотно давит ее попа на обивку кресла. Он представлял, как должно быть тепло в этом месте соприкосновения, и был в таком напряжении, что еще чуть-чуть и взорвался бы. Бах!

Когда терпеть уже сил не было, он быстро вскочил и на согнутых ногах побежал в ванную. Трентон рванул дверь и запер ее. По крайней мере, он подумал, что запер. Но его желание поскорее снять штаны и возросшее донельзя напряжение привело к социальному унижению – да, надо было проверить замок дважды. Лэнни Бак ввалилась в ванную меньше, чем через минуту, потому что ее рвало всю вечеринку, и застучала Трентона, так сказать, на горячем – голова запрокинута, штаны спущены, в руках орудие преступления, глаза закрыты. Он практически плакал от наслаждения и облегчения.

«Дрочила!» – Деррик задал ритм, остальные подхватили хором: «Дрочила! Дрочила! Дрочила!»

Когда он убежал, то даже не застегнул ремень. По дороге в кампус хлопья снега таяли у него на щеках и смешивались со слезами. И он знал, что в «Андерсоне» он больше не задержится.

Иногда он мечтал о том, что убьет Деррика, а не себя. Но Трентон сам признавал, что у него кишка тонка.

Из коридора слышались шаги. Минна открыла дверь прежде, чем Трентон успел положить пистолет обратно в ящик. Она несла еще коробки.

– Да ну! – сказала она. – Ты наконец-то решил помочь!

Трентон все утро успешно отлынивал от работы, ссылаясь на боль в ноге. Минна прекрасно понимала, что он притворяется, но ничего не говорила. К тому же у нее не было права ему что-то предъявлять после того, что она натворила.

«Вот она, жизнь, – думал Трентон, – людям известны твои секреты, но и ты кое-что на них имеешь, и поэтому они не выдадут тебя. Все ходят друг под другом, как в гигантском сэндвиче».

Минна бросила на пол пустую коробку и поддела ее ногой за край, чтобы перевернуть на правый бок.

– Смотрю, ты обнаружил папин маленький секрет. Ну, один из них.

Теперь, когда она увидела пистолет, Трентон понял, что может спокойно положить его обратно в стол. Он почувствовал облегчение, когда выпустил его из рук. И на всякий случай открыл и закрыл еще несколько ящичков, чтобы Минна подумала, что он просто так копался в столе, из банального любопытства, и чисто случайно наткнулся на пистолет.

– Я просто посмотрел, – проговорил Трентон.

– Ты же никого не собирался пристрелить? – спросила Минна.

– Не сегодня, – ответил он. И сам не понял – шутка это была или нет.

– Мне бы стоило пристрелить маму, – сказала Минна как бы между делом. Несколько прядей ее волос выбились из хвостика, и она забрала их за ухо рукой. – В этой комнате мы с тобой никогда не играли в детстве, да?

В самом нижнем отделении стола Трентон нашел коробочки, в которые были небрежно напиханы какие-то открытки, примерно штук шесть. Он открыл одну из них и отшатнулся.

– Фу!

– Что там? – спросила Минна.

– Волосы. – Трентон вынул из открытки маленькую прядку темных волос, перехваченную выцветшей синей резинкой. На открытке не было никаких подписей. И послания тоже не было. Только напечатанные слова: «Думаю о тебе».

Минна быстро вскочила,хватила у него из рук и открытку, и прядь и запихнула обратно в стол.

– Не трогай папины вещи, – прошипела она.

– Я думал, что могу помочь, – сказал Трентон.

– Значит, не можешь. – Минна резко закрыла дверцу ногой. А после стояла у стола примерно минуту, потирая виски, и Трентон с отвращением подумал, что через несколько лет она будет очень похожа на мать.

– Я старею, – проговорила Минна, как будто прочитав мысли брата. Трентон ощутил укол совести.

– Тебе только тридцать.

– В следующем месяце будет тридцать один. – Она сняла одну из коробок с книгами с кресла у стола, поставила ее на пол, а сама села в кресло с коротким вздохом и прикрыла глаза. – Тут кто-то умер, ты знал?

Трентона это заинтриговало:

– О чем ты?

– Тут труп нашли, застреленного человека. Прямо здесь. За несколько лет до того, как папа купил этот дом. Вся стена была мозгами заляпана, – она открыла глаза, – я помню, как мама с папой об этом говорили, когда мы только-только сюда переехали.

Это была первая интересная новость, которую Трентон услышал об этом доме.

– Почему ты мне раньше не говорила?

Минна пожала плечами:

– Ты был еще маленьким. А потом я, наверное, забыла.

Трентон обмозговал эту информацию и счел ее очень интересной.

– Это было как бы... убийство? – Это слово было очень приятным, оно отвлекало от повседневной рутины. Как легкое опьянение.

– Я не знаю деталей, – сказала Минна. Казалось, она потеряла интерес к разговору и начала выковыривать грязь из-под ногтей.

И в воцарившейся тишине Трентон снова это услышал. Голос. Ну, может, не совсем голос – словно обычные поскрипывания и шорохи старого дома неожиданно облеклись в словесную форму. Как будто в детстве, когда он слушал шелест ветра в листве и думал, что понимает, что тот ему говорит. Но сейчас это произошло не в его воображении, а в реальности.

Кто-то точно что-то сказал. Определенно.

– Ты это слышала? – он повернулся к сестре.

– *Что* слышала? – Минна подняла на него взгляд. – Эми меня звала?

Трентон отрицательно помотал головой.

Минна прислушалась. И пожала плечами:

– Ничего не слышу.

Трентон судорожно сглотнул. В горле у него пересохло. Может, у него в голове после аварии что-то переклинило? Как будто предохранитель сгорел. И вдруг он снова очень четко услышал одно слово, которое прозвучало в тишине.

Это слово было: «идиот».

Элис

Как призраки видят?

Мы не всегда умели видеть, пришлось учиться заново.

Смерть – это как новое рождение. Вначале – тьма и смятение. Мы познавали мир на ощупь. Мы учились двигаться в новом теле, как этому учится младенец. Начали проявляться кое-какие образы. Сквозь тьму стал просачиваться свет.

Теперь мое зрение лучше, чем было при жизни. Я никогда не любила носить очки и к тридцати годам уже не могла различать некоторые предметы на другой стороне гостиной. Приходилось прищуриваться.

Сейчас все видно четко. Мы не просто видим – теперь это нечто большее. Мы улавливаем малейшую вибрацию, самые незначительные изменения в потоках воздуха и энергии, движения молекул. Мы как невидимые пальцы слепого человека – мы скользим по поверхностям всех предметов в доме.

Только память постоянно ускользает от нас. Воспоминания не останутся нам верны. Они все однажды канут в темноту небытия.

Воспоминания должны за что-то цепляться – заворачиваться в разные вещи, обвиваться вокруг ножек стола хотя бы.

Трентон сидел без движения в кресле, и если бы он не ковырял бездумно один из прыщей на лице, можно было подумать, что он умер. Эми сидела с огромной книгой на коленях. Книга была в кожаной обложке. Я узнала ее – это был «Черный гелиотроп».

Минне он безумно нравился, когда она была маленькой. Именно она нашла «Гелиотроп», множество страниц, напечатанных на машинке и скрепленных кое-как. Она перечитывала его так много раз, что некоторые куски знала наизусть. В десять лет Минна просто изнывала от желания узнать, кто написал эту книгу, и Ричард Уокер – он был тогда, видимо, в хорошем расположении духа – скрепил страницы, обернул в обложку и пообщался с какими-то литературными экспертами и даже с профессором из Гарварда, который посредством анализа языка и художественных образов вывел, что книга датируется серединой девятнадцатого века.

Меня это забавляло. Я-то знала, что «Черный гелиотроп» был написан в промежуток с тысяча девятьсот сорок четвертого до сорок седьмого. Потому что я его написала.

– Мапочка! – неожиданно громко закричала Эми. – Я дошла до главы про бамбуковый лес! Можно я почитаю тебе?

Когда Эми упомянула бамбуковый лес, я даже вздрогнула. Это был один из моментов в книге, которыми я гордилась: Пенелопа и Невинные были атакованы злобной бандой Нихилис, и единственное, что спасло их, – это лес бамбука, который неожиданно вырос вокруг них и пронзил бандитов насквозь.

– Конечно, солнышко. – Минна вытерла лоб тыльной стороной руки.

Эми провела пальчиком по иллюстрации, на которой была изображена Пенелопа на коне.

– «Потом Пенелопа поскакала вперед... А там уже ждали Нихилис, они были уродливые и жадные до крови...»

– Кошмарная из тебя писака, – сказала Сандра. Хотите верьте, хотите нет, но я примерно на час забыла об ее существовании, как люди не обращают внимание на свою тень.

– Она не читает, – парировала я, – она сама выдумывает.

– Бамбук! – воскликнула Сандра. – Бамбук! Тебе стоило написать о лесе из розовых кустов – они бы выкололи шипами глаза тем парням или зацарапали их до смерти.

Я даже не потрудилась ответить. Томас рассказал мне про бамбук – как быстро он растет и что он такой крепкий, что может проткнуть человека. Мы разговаривали о том, как ужасна и жестока может быть природа.

Конечно, побеги бамбука просто делают то, что должны. Все подчиняется своим внутренним законам. Все живое – жадное до света и тянется к любому его источнику.

– Пенелопа загадала желание, и лес начал расти, – сказала Эми, ткнув пальчиком наугад в центр страницы. Она остановилась. Она пыталась понять. Лес вырос не потому, что этого захотела Пенелопа. Он вырос из крови Невинных.

Минна вскочила из-за стола, ринулась к окну и резко отдернула занавески. Она, должно быть, смотрела на дорогу. Я теперь не имею ни малейшего понятия, как она выглядит. Сандра сказала, что ее заасфальтировали. Но у меня перед глазами до сих пор стоят холмы – в это время года должны цвести тополя, расцветать нарциссы, а воздух, наверное, пахнет сладким древесным соком: как болезненное напоминание о том, что в мире все живет и идет своим чередом. Без нас.

– Кто там? – Эми столкнула книгу с колен. – Это бабушка? Бабушка вернулась?

– Это не она, – нахмурилась Минна, – я не знаю, кто это, – она вздохнула, – останься здесь, детка, с дядей Трентоном. Трентон, присмотришь за ней? Ничего тут не трогай, мишка-Эми.

Минна вышла в прихожую – мрачное место, комната, которую мало кто посещал. Там пахло старой обувью. Почти никто не пользовался главным входом, кроме курьеров и разных групп людей, которые ходят от дома к дому, предлагая подписать петицию об очистке воды или проголосовать за их кандидата в губернаторы.

Мужчина, стоявший на пороге, был одет в деловой костюм, который был ему явно велик, и держал в руке чемоданчик. Выглядел он как театральная декорация. Его внешность была мне смутно знакома. После того, как он представился Деннисом Кэри, адвокатом Ричарда Уокера, я поняла, что должна была его раньше видеть.

– Ну, думаю, вам лучше зайти, – сказала Минна и открыла дверь шире.

На секунду меня ослепил яркий луч света, который прошел сквозь нас, прорезая слои пыльного воздуха в коридоре. А потом дверь закрылась.

– Вам стоило сообщить, что вы придете, – сказала Минна, засунув руки в карманы – так его взгляд вольно или невольно останавливался на ее груди.

– Оп-па, проблемки! – сказала довольная Сандра. Ей всегда нравились хорошие шоу.

Его взгляд скользнул вниз, и адвокат быстро поднял глаза на лицо Минны.

– Я звонил, – проговорил Деннис, перекладывая дипломат в левую руку, – я разговаривал с Кэролайн...

Минна усмехнулась:

– Ну, а *я-то* вас не ждала. Кэролайн нет дома.

– Нет дома? – Деннис нервно теребил воротничок. Ему было сорок с лишним, и не то чтобы он был уж очень непривлекательным – просто волос было маловато, а объем живота немного превышал норму.

Я испугалась. Минна выглядела как паучиха – большая и голодная.

– Мама у нас очень забывчивая, – сказала девушка и, проходя мимо Денниса, задела его плечом, почти что навалилась на него, – не хотите выпить?

Покашливание Денниса перешло в нервный смех.

– Лучше не надо, – сказал он. Ему было неловко, а почему, он и сам не понимал, – я все еще на работе. Мне нужно встретиться с Кэролайн...

Минна махнула рукой:

– Деловые встречи никогда не мешали моей матери выпивать. Что скажете? Виски? Вино? Водка? Водки у нас хоть отбавляй.

– Мне нельзя, – сопротивлялся Деннис, но я видела, что он уже почти сдался.

– Вам нужно расслабиться, – проговорила Минна и сделала шаг к нему, – кто знает, сколько нам предстоит ждать маму...

Она подошла еще ближе и теперь стояла на расстоянии полушага от Денниса.

Между ними возникло напряжение, как сильное натяжение нитей – это даже меня заинтересовало. Воздух дрожал, как тугие струны скрипки.

Эми влетела в кабинет.

– Мапочка, бабушка приехала! – Она ввалилась в кабинет из прихожей, споткнувшись о порог.

Нити резко порвались. Деннис и Минна тут же отступили друг от друга.

– Детка, осторожнее! – Минна быстро подскочила к дочке и затормозила ее падение, придерживая за плечи.

– А ты кто? – спросила малышка, глядя на Денниса.

– Не груби дяде, Эми, – сказала Минна.

Адвокат усмехнулся.

– Меня зовут Деннис, – сказал он и наклонился, осторожно протянув руку девочке для рукопожатия.

Эми спряталась за мамиными ногами и робко выглядывала из-за ее бедра.

– Господи, Эми! Поздоровайся наконец с мистером Кэри!

– Здравствуйте, – прошептала девочка.

Деннис выпрямился.

– Ваша дочка?

Минна кивнула. Она избегала встречаться с ним глазами. Интересно, ей неловко из-за того, что их прервали, или из-за того, что этот момент вообще имел место.

– Какая красивая девочка! – сказал Деннис.

– Скажи «спасибо», Эми, – строго произнесла Минна.

Эми промолчала.

Скрипнула кухонная дверь.

– Мама, мы тут, – крикнула Минна, предвосхищая вопрос Кэролайн.

Женщина через секунду вошла в прихожую. В своем шерстяном комбинезоне она выглядела как пылевой клещ-переросток. Но я по-прежнему видела в ней – в *этой* женщине – прежнюю Кэролайн: стройную и очень красивую, с таким же потерянным взглядом больших глаз. Даже тогда она была похожа на пыль – легко летала по дому с места на место, из комнаты в комнату.

– Ну тут и обслуживание... – начала она, но остановилась на полуслове, увидев Денниса. – О, господи! Вы, должно быть, мистер Кэри. Я совсем забыла...

– Ничего страшного, – сказал Деннис, сделав движение вперед. Он протянул руку, и Кэролайн схватила ее и начала трясти, – я ждал недолго.

– Вы не похожи на адвоката, – Кэролайн засмеялась, как будто удачно пошутила, – вы такой молодой!

– Адвокат? – Трентон стоял в дверном проеме, вобрав голову в плечи по самые уши.

Минна бесцеремонно обронила:

– Терпеть не могу адвокатов.

Деннис не знал, к кому он должен обращаться. Он снова начал нервно поправлять ворот рубашки. У него была тонкая шея и очень выразительный кадык – все выглядело так, как будто Деннис однажды проглотил персиковую косточку, и она застряла у него в горле.

Адвокат неуверенно произнес:

– Я имел счастье работать с мистером Уокером в последние дни его жизни...

Кэролайн захлопала в ладоши. Ее глаза блестели.

– Думаю, нам стоит начать. Нет нужды откладывать неизбежное.

– Начать *что*? – спросил Трентон.

Кэролайн удивленно посмотрела на Минну и Трентона, как будто они только что возникли из ниоткуда.

– Мистер Кэри пришел, чтобы зачитать нам завещание вашего отца, – сказала она и с улыбкой повернулась к Деннису, – давайте пройдем в кабинет. Там гораздо удобнее. Я только захвачу из кухни бокал вина. Мне кажется, оно мне пригодится.

Сандра

Когда я тут жила, этот кабинет был почти что берлогой. Он не был таким большим, пока Ричард Уокер за него не взялся. Да он, в общем-то, взялся за весь дом в девяносто четвертом: вскрыл нас, как яичную скорлупу, вычистил и стал заполнять заново – всякими дурацкими ненужными новыми комнатами, винтовыми лестницами, закутками и нишами у окон.

Моим любимым местом было кресло, в котором можно было сидеть с сигаретой и выпивкой, поджав ноги под себя, и смотреть, как отсветы от телевизора пульсируют на лиловых стенах. Эркерное окно нависало над свежим газоном, а вдалеке стояли темные силуэты деревьев, как овчарки, сбившиеся в кучу.

Минна выглядела так, как будто ей срочно нужно было закурить. И Кэролайн тоже. Они сидели, вылизываясь друг на друга, как две рыбины на прилавке в продуктовом магазине. Даже Трентон выглядел напряженным.

Минна заговорила первой:

– Трентон?! Какого черта он оставил дом Трентону?!

– Может потому, что я единственный, кто не питал к нему ненависти? – спросил парень. Он тряхнул головой, чтобы убрать прядку волос от глаз. Когда он не сутулится и не ковыряет прыщи, то выглядит не так уж плохо. В нем прослеживаются отцовские черты – прямой нос, симпатичный подбородок.

– Не сгущай краски, Трентон, – сказала Минна, – я тоже не питала ненависти к нему.

Сегодня я особенно хорошо расположена к этой девчонке – ничего не могу с собой поделаться, я немного размякла, и в доме как будто посветлело. Она знает про меня! Она помнит! Спорю на свой последний доллар – это означает, что и *другие* меня помнят! Здорово, когда тебя узнают и вспоминают. Ведь это *мои* мозги были размазаны по стене в кабинете – ой, это так приятно, не стоит, не стоит, спасибо!

Хорошо, что у Мартина хватило порядочности пристрелить меня именно в кабинете, а не в туалете, например.

– Он не мог оставить дом Трентону! – выкрикнула Кэролайн. – Он еще ребенок, ему всего пятнадцать!

– Шестнадцать, – поправил Трентон.

– Вот именно! Он несовершеннолетний!

– До тех пор, пока ему не исполнится восемнадцать, о его собственности будут заботиться попечители, – сказал Деннис. За тот час, что он находился в кабинете, его кожа стала ярко-розовой, как будто адвокат долго и упорно мылся под горячим душем.

– Попечители? – переспросила Кэролайн. – Какие еще попечители?

Деннис дернул головой – это было что-то вроде нервного тика. С его тонкой шеей и внушительным пузом он напоминал мне игрушку – птичку на краю чаши с водой, которая качалась, погружаясь в нее.

– Мистер Уокер назначил несколько попечителей, – сказал адвокат, – я в их числе.

Кэролайн всплеснула руками и уселась обратно в кресло.

– Понятно. Это надувательство чистой воды!

– Мама! – повернулась к ней Минна.

– Это одна из этих... как они называются... финансовых пирамид.

– Мама ничего не понимает в финансовых схемах, – сказала Деннису девушка.

– Не говори обо мне так, как будто меня тут нет, Минна!

Трентону этот разговор был уже неинтересен. Он полулежал в кресле, откинувшись на спинку.

– Да, ерунда, – сказал он, – мне все равно дом не нужен.

Кэролайн посмотрела на Денниса, как бы спрашивая: «Ну что, видите?!»

– Боюсь, тут не все так просто, – сказал адвокат.

До этого момента в завещании не было ничего интересного. Никаких сюрпризов, все четко, ясно и грамотно. Да уж, с Ричардом Уокером гораздо приятнее иметь дело после его смерти, чем при жизни. Он завещал полмиллиона долларов обоим детям, еще половину – Эми. Все, что было в доме, отходило Кэролайн, она могла распоряжаться вещами как угодно – хоть продать, хоть выкинуть. Но сам дом отходил Трентону. Так Ричард все усложнил. Уж в этом он был мастер!

– Говорю вам, мне неважно, что вы с ним сделаете, – подал голос Трентон, – продайте его, превратите в отель. Ну, или сожгите к чертям, как Минна предложила.

Элис издала странный звук. С тех пор, как вернулись Уокеры, она была напряжена, как задница у монашки.

Она боялась. Знала, что правда рано или поздно всплывет. Как во время потопа в семьдесят девятом, когда к крыльцу подплыла грязь, нам выбило стекла, всюду были упавшие деревья, плавала какая-то ветошь и даже черепаха со старушечьим лицом. Мэгги, дочку Элис, тоже принесло к моим дверям в тот год.

Запомните! Помните об этом, когда будете готовы поверить в каждое слово Элис, когда она будет говорить, что я та еще коза и параноик, что я перевираю факты из прошлого. Ее собственный ребенок – единственный ребенок – почти ее не знал. Она сама мне об этом говорила.

– Минна. – Кэролайн притворилась, что шокирована.

Минна развела руками:

– Я же говорила это не всерьез.

Деннис прочистил горло. Кажется, вся эта ситуация была для него чем-то сверхъестественным. Наверное, он обычно занимается документами по перекраиванию земельных участков и разводами. А эти Уокеры уже все соки из него, бедненького, выжали этой дележкой имущества.

– Боюсь, тут не все так просто, – повторил он, – у вас нет права влиять на судьбу имущества, пока вам...

– ...не исполнится восемнадцать, я знаю, – перебил его Трентон.

– Скажите, мы закончили? – Минна начала вставать. – Мне надо к Эми.

– Вообще-то это еще не все, – Деннис снова дернул головой и поправил воротничок, – мистер Уокер дает еще кое-какие распоряжения...

– Ну, не удивительно, – сказала Кэролайн, – он жил для того, чтобы доставлять всем головную боль. И почему я решила, что после его смерти что-то изменится?

Деннис торопливо заговорил:

– Он хотел бы, чтобы его прах был погребен, а не развеян. Причем похоронен где-то на территории его владений.

– Это предсказуемо, – сказала Минна, – он всегда говорил, что хочет навсегда остаться здесь. Даже потоп, смерть или сам дьявол его отсюда бы не вытащил.

– Есть еще кое-что, – начал Деннис и вдруг остановился, – довольно большая часть наследства... – Он помял в руках завещание и прочистил горло. И порозовел еще сильнее и пошел какими-то красными пятнами. Пару секунд он стоял, растерянно открывая и закрывая рот. Потом повернулся к Кэролайн. – Мы можем обсудить это наедине?

Кэролайн удивленно уставилась на его.

– Мне все равно, – сказала она, – что он там сделал? Оставил половину денег собаке приюту?

– Он ненавидел собак, – произнес Трентон.

Деннис положил бумаги перед собой и выровнял стопку так, чтобы углы листов совпадали. Минна снова села. Он упорно избегал ее взгляда. На секунду в комнате воцарилась гробовая тишина.

– Мистер Уокер оставил половину своих денег Адриане Кадью, – проговорил адвокат. Минна и Кэролайн быстро переглянулись.

Девушка поспешно сказала:

– Трентон, ты не мог бы посмотреть, как там Эми?

– Кто такая Адриана? – спросил Трентон.

– Трентон, *пожалуйста*, – сказала она с напором и одарила его тяжелым взглядом своих темных глаз. Как она всегда это делала. Как в детстве: «*Не ставь их сюда!*» Это сработало. Он встал, вернее сказать, вытек из кресла и нехотя поплелся к выходу.

Время шло, проходили секунды, минуты.

– Вы с ней знакомы? – спросил Деннис.

Кэролайн сидела неподвижно, как изваяние, тупо уставившись на пустой стакан, который держала в руках. Там была водка «Абсолют» с сельтерской водой. Без лимона. Я бы, конечно, кинула лимон.

– Нет, – коротко ответила она.

– Мне жаль, мама. – Минна хотела положить руку на колено матери, но та отдернула ногу.

– Наш брак распался десять лет назад, – выдавила из себя Кэролайн, – этого стоило ожидать. Хотя, даже когда мы были женаты... – Она замолкла.

– Я не помню никакой Адрианы, а ты помнишь? – спросила я у Элис.

– Нет, – прошептала она мне в ответ. Не знаю, на кой она вообще шепчет! Нас же никто не слышит!

– Помню, была Агнес, – перечисляла я, – дурацкое имя.

– Хватит, Сандра.

– И еще Анна...

– Я сказала, хватит!

Минна решительно поднялась и вышла из комнаты. Кэролайн уставилась в окно. Мне на долю секунды даже стало ее жаль. Кэролайн, конечно, не фонтан, но она делала все, что от нее зависело. Как и все мы.

– Вы с ней уже связались? – спросила она, не глядя на Денниса.

– Ричард оставил ее адрес, мы написали ей. Она, кажется, живет где-то в Торонто...

Если он рассчитывал хоть на какую-то реакцию, то облом. Кэролайн по-прежнему смотрела в окно и не двигалась.

– Сколько? – вдруг спросила она.

Деннис нервно мотнул головой, как будто не ожидал этого вопроса.

– Что?

– Сколько он ей оставил? – Кэролайн посмотрела на него большими голубыми глазами цвета неба на детском рисунке.

– Миллион, – тихо ответил Деннис.

Кэролайн тяжело опустила веки и подняла снова.

– Больше, чем своим собственным детям, – проговорила она.

Затем встала и, пошатываясь, пошла к дверям, задев по пути стул.

Самое лучшее, что мог сделать для меня мой папочка – крикнуться прежде, чем потратить все свои деньги. В общем, он оставил мне круглую сумму, чтобы я могла купить себе жилье. Наверное, хотел быть уверенным, что я никогда не приползу обратно в Джорджию.

Забавно. У меня о родителях осталось только одно четкое воспоминание. Это было в Альфаретте, в пятьдесят седьмом или восьмом, до того, как они развелись. И задолго до инцидента с отцовским дружкой, Аланом. Было начало лета, майские жуки карабкались по москитной сетке, пахло фрезией, коровьими лепешками, скошенной травой и бензином.

Родители устраивали обед для друзей, и я помню, как мы к нему готовились: на столе были сырны шарики с грецкими орехами, красивый салат в форме рыбки, твердый сыр, на котором застыли капельки конденсата, зубочистки, стоявшие гордо и прямо как флаги. Я помогала маме гладить белоснежные салфетки и получила по шее за то, что у меня были грязные руки и они оставили множество отпечатков. Помню, как отец стоял без рубашки перед зеркалом в ванной и водил бритвой по подбородку.

Мне в тот день из-за гостей не разрешили играть в доме, и я провела весь вечер на улице. В воздухе летали тучи светлячков, и я бегала кругами, пытаюсь их поймать.

– Ты знаешь, кто они такие?

Я обернулась, услышав мамин голос. Она стояла на крыльце, за ее спиной из кухни падал свет, так что ее лица было не разглядеть. Мама держала в руках зажженную сигарету, но не курила. Она была хрупкой и тонкой, как птица.

Я не ответила, и мама сошла с крыльца на траву.

– Светлячки, – повторила она, – ты знаешь, кто они такие?

– Жуки, – ответила я.

Затем она сделала затяжку и едва заметно улыбнулась. Но мама смотрела не на меня, а куда-то вдаль.

– Это духи, – сказала она тихим голосом, – души. Когда у кого-то разбивается сердце, в мире рождается светлячок.

Она протянула руку в попытке схватить одного из них, но у нее не получилось, и рука ее безвольно упала, а мама еще раз затянулась.

– Они летают, вечно рассылая тайные послания их потерянной любви. Видишь? Посмотри внимательнее.

Мы сидели молча. Я затаила дыхание. Светлячки роились в темноте, выписывая причудливые фигуры в вечернем воздухе. Впервые мама рассказала мне историю не из Библии, и впервые я пожалела ее и всех остальных взрослых.

– Вот, что случается, когда разбиваешь сердце, – сказала она, – остается вечное смятение, и никто не может найти покоя.

Мама развернулась, чтобы уйти обратно в дом, но в последний момент остановилась и взглянула на меня.

– Оно того не стоит, Сандра. Запомни это.

Ну... лучше бы я это действительно запомнила. Тогда, может, и наши с Мартином дела пошли бы иначе. Может, и мои мозги остались бы со своей хозяйкой, а не растеклись по стене.

Минна

Минне потребовалось сорок пять минут, чтобы уложить Кэролайн в постель после того, как та почти полностью опустошила бутылку с водкой всего за час. Лицо ее расплылось, макияж потек, а на нижней губе засохла рвота.

Минна перевернула мать на бок, толкая ее рыхлое тело в живот и бедра, вспоминая о документальной передаче, в которой шестеро мужчин пытались с помощью веревок и крюков затолкать в воду огромного кита, выбросившегося на берег. Как бы ей хотелось всадить крюк в жирный зад матери и повернуть его там пару раз! Когда Минна сняла с Кэролайн брюки, она почувствовала жуткое отвращение от вида ее дешевого белья, которое сидело плотно и в районе бедер отчаянно цеплялось за бока, как лишайник на скале, чтобы не соскользнуть вниз.

Минна очень устала. Ее желудок начинала скручивать боль. Не надо было ей возвращаться. Надо было позвонить доктору Апшоу, но от этого станет только хуже. Даже двух дней без ломки продержаться не смогла. Жалкое зрелище!

Надо было поговорить с кем-то, но Минна даже не знала с кем. Можно было позвонить Грэгу, отцу Эми, сорваться на нем, обзывать, ткнуть в него пальцем, как она делала это в детстве, когда показывала страны на карте. «Найди Швецию».

Но Грэг был на работе, а через секретаршу с ним невозможно было связаться. Дозвониться до него можно было только в промежутке с семи до восьми часов, когда он разговаривал со своей семьей в Уэстчестере – со своей женой и *настоящими* детьми, как он однажды их назвал. Это не мешало ему следить за телефонными звонками самой Минны. Связь он до сих пор оплачивает, что весьма кстати – за три года она сменила четыре рабочих места. Из двух ее уволили, еще из двух – уволилась сама. На счету в банке у Минны было меньше двух тысяч долларов.

Эми думала, что ее папа был пожарным и героически погиб.

Были еще Алекс, с которым она часто спала, и Итан, который мечтал об этом. Но они почти никогда не говорили о серьезных вещах, только болтали о какой-нибудь чепухе за ужином, флиртовали и обменивались парой фраз по утрам, чтобы вся ситуация не выглядела как съём проститутки.

А подруг у нее не было. В основном из-за того, что она не доверяла другим женщинам, а те, в свою очередь, не доверяли ей. Была только Дана – Минна до сих пор сожалеет, что все закончилось так глупо. Ее парень даже не был хорош в постели – какой-то мягкий и рыхлый, как промокший тост. Она не знает, зачем это сделала.

Не нужно было так поступать.

Минна спустилась на первый этаж за телефоном, который оставила в кабинете, и обнаружила там Трентона, лежащего на полу звездой. Когда она вошла, он привстал на локтях.

– Что ты тут забыл? – Минна была расположена с кем-то поругаться.

– Я слушаю, – сказал Трентон и снова лег на спину, – ты слышишь?

Может, он выпил что-то из маминого алкоголя, а может, и обдолбался наркотиками. В любой другой день Минна была бы поражена: если Трентон под наркотой, значит, у него все-таки есть друзья или хотя бы друг, который ему продает вещества. Но сегодня она почувствовала лишь раздражение.

Гребанный Трентон. Теперь дом по закону принадлежит ему. А еще он продолжает верить в то, что отец был никем не понятым святым, и думает, что лучше Минны, потому что не испытывает к нему ненависти. Может, стоит напомнить ему про Адриану Кадью? Минна нашла одну открытку с ее именем в той коробке, что обнаружил Трентон. В открытке не было никакого романтического послания, но был один неоспоримый факт – отец хранил ее.

Минна надеялась, что что-то прояснится – может, он вел машину, они попали в аварию по его вине, и теперь Адриана парализована. А это были деньги за ее молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.